

КАРЛОС РУИС

САФОН

ИГРА АНГЕЛА

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Карлос Руис Сафон
Игра ангела
Серия «Кладбище
забытых книг», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7277386
Карлос Руис Сафон. Игра ангела: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-100292-3

Аннотация

Три тайны.

Три загадки.

Тайна Барселоны – города, в котором возможно все...

Тайна Давида – молодого журналиста, сумевшего уйти от карающего меча судьбы...

Тайна Книги, у которой есть начало, но нет и, возможно, не будет финала...

Светлый, прозрачный, полный загадок роман-лабиринт. Роман, который можно читать и перечитывать, не уставая восхищаться переплетениями и поворотами сюжета и открывая в нем все новые и новые глубины.

Содержание

Действие первое. Город проклятых	7
1	7
2	20
3	41
4	50
5	55
6	74
7	82
8	87
9	98
10	103
11	115
12	119
13	127
14	138
15	144
16	158
17	170
18	177
Конец ознакомительного фрагмента.	189

Карлос Руис Сафон

Игра ангела

Carlos Ruiz Zafón

EL JUEGO DEL ÁNGEL

© Dragonworks S.L., 2008

© Перевод. Е. Антропова, 2010

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Печатается с разрешения компании Dragonworks S.L.
и литературного агентства Antonia Kerrigan Literary Agency.

Кладбище Забытых Книг

Настоящая книга относится к циклу романов, объединенных литературным пространством Кладбища Забытых Книг. Входящие в этот цикл романы связаны между собой сквозными героями и сюжетными линиями, имеющими повествовательные и тематические точки пересечения, но каждый из них является самостоятельным и сюжетно завершенным произведением.

Эти книги можно читать в любом порядке или выборочно, – читатель имеет возможность войти в лабиринт повествования через любую дверь и путешествовать по разным его галереям; тесно связанные между собой, все они приведут его к средоточию интриги.

ТЕНЬ ВЕТРА
ИГРА АНГЕЛА
УЗНИК НЕБА

*Мари-Кармен,
«только вдвоем».*

Действие первое. Город проклятых

1

Писатель всегда помнит и свой первый гонорар, и первые хвалебные отзывы на поведенную миру историю. Ему не забыть тот миг, когда он впервые почувствовал, как разливается в крови сладкий яд тщеславия, и поверил, будто литературная греза (если уж волею случая его бездарность осталась незамеченной) способна обеспечить ему кров над головой и горячий ужин на склоне дня. Тот волшебный миг, когда сокровенная мечта стала явью и он увидел свое имя, напечатанное на жалком клочке бумаги, которому предстоит прожить дольше человеческого века. Писателю суждено запомнить до конца дней это головокружительное мгновение, ибо к тому моменту он уже обречен и за его душу назначена цена.

Мое крещение состоялось в далекий декабрьский день 1917 года. Мне тогда исполнилось семнадцать лет, и я работал в «Голосе индустрии», газете, едва сводившей концы с концами. Она размещалась в мрачном строении, где прежде находилась фабрика по производству серной кислоты: ее стены все еще источали ядовитые испарения, разъедавшие мебель, одежду, дух и даже подошвы ботинок. Резиденция из-

дательства находилась за кладбищем Пуэбло-Нуэво, возвышаясь над лесом крылатых ангелов и крестов. Издалека слышат здания сливался с очертаниями пантеонов, выступавших на горизонте, истыканном дымоходами и фабричными трубами, которые ткали вечный багряно-черный покров заката, встававшего над Барселоной.

Однажды вечером моя жизнь, резко изменив направление, потекла по иному руслу. Дон Басилио Морагас, заместитель главного редактора газеты, незадолго до сдачи номера в набор соблаговолил вызвать меня в комнатуху, служившую то кабинетом, то курительной. Дон Басилио носил пышные усы и выражением лица напоминал громовержца. Он не терпел глупостей и придерживался теории, будто обильное употребление наречий и чрезмерная адъективация¹ – удел извращенцев и малахольных. Если обнаруживалось, что сотрудник редакции тяготеет к цветистой прозе, дон Басилио на три недели отправлял виновного составлять некрологи. Но если, пройдя чистилище, бедняга грешил снова, дон Басилио навечно ссылал его в отдел домашнего хозяйства. Мы все трепетали перед ним, и он об этом знал.

– Вы меня звали? – робко обратился я к нему с порога.

Заместитель главного редактора неприязненно покосился на меня. Я вошел в кабинет, пропахший потом и табаком, причем именно в такой последовательности. Дон Басилио,

¹ Адъективация (от *лат.* *adjectivum* – прилагательное) – переход других частей речи в прилагательные. – *Здесь и далее примеч. пер.*

не обращая на меня внимания, продолжал бегло просматривать статью – одну из множества заметок, лежавших на письменном столе. Вооружившись красным карандашом, заместитель редактора безжалостно правил и кромсал текст, бормоча неллицеприятные замечания, точно меня в комнате не было. Я понятия не имел, как себя вести, и, заметив у стены стул, сделал поползновение сесть.

– Кто вам разрешал садиться? – пробурчал дон Басилио, не поднимая глаз от бумаги.

Я поспешно вскочил и затаил дыхание. Заместитель главного редактора вздохнул, бросил красный карандаш и, откинувшись на спинку кресла, оглядел меня ног до головы с таким недоумением, словно увидел нелепую ошибку природы.

– Мне сказали, что вы пишете, Мартин.

Я проглотил комок в горле и, открыв рот, услышал с удивлением свой срывающийся, нелепо тонкий голос:

– Ну, немного, не знаю. Я хочу сказать, что да, конечно, пишу...

– Надеюсь, пишете вы лучше, чем говорите. Не будет ли бестактным спросить, что же вы пишете?

– Криминальные рассказы. Я имею в виду...

– Я уловил основную мысль.

Дон Басилио одарил меня непередаваемым взглядом. Если бы я признался, что мастерю из свежего навоза фигурки для вертепа, это явно воодушевило бы его намного больше. Он снова вздохнул и пожал плечами:

– Видаль говорит, что вы ничего. Будто бы выделяетесь на общем фоне. Правда, при отсутствии конкуренции в наших пенатах, не приходится лезть из кожи вон. Но если Видаль так говорит...

Педро Видаль являлся золотым пером «Голоса индустрии». Он вел еженедельную колонку происшествий – только ее и можно было читать из всего выпуска. Видаль также написал примерно с дюжину умеренно популярных авантюрных романов о разбойниках из Равалья, заводивших альковные интрижки с дамами из высшего света. Видаль носил безупречные шелковые костюмы, начищенные до блеска итальянские мокасины и напоминал внешностью и манерами театрального героя-любовника с тщательно уложенными белокурыми волосами, щеточкой усов и непринужденной и благодушной улыбкой человека, живущего в полном согласии с собой и миром. Он происходил из семьи «индейцев» – эмигрантов, сделавших огромное состояние в Америке на торговле сахаром. По возвращении они отхватили лакомый кусок, поучаствовав в электрификации города. Отец Видалья, патриарх клана, выступал одним из крупнейших акционеров нашей газеты, и дон Педро приходил в редакцию как в игровой зал, чтобы развеять скуку, ибо необходимости работать у него не было никогда. Его нисколько не беспокоило, что издание теряло деньги столь же неудержимо, как неудержимо вытекало масло из новых автомобилей, появившихся на улицах Барселоны. Насытившись дворянскими титулами, се-

мья Видаль увлекалась теперь коллекционированием лавок и участков под застройку размером с небольшое княжество в Энсанче.

Педро Видаль был первым, кому я показал наброски своих рассказов. Я сочинил их, когда был еще мальчишкой и подносил в редакции кофе и папиросы. У Видаля всегда находилась минутка-другая, чтобы прочитать мою писанину и дать дельный совет. Со временем я сделался его помощником, и он доверял мне перепечатывать свои тексты. Он сам завел разговор о том, что, если я желаю испытать судьбу на литературном поприще, он охотно меня поддержит и поспособствует первым шагам. Верный слову, он бросил меня теперь в лапы дона Басилио, цербера газеты.

– Видаль – романтик. Он до сих пор верит во все эти мифы, глубоко чуждые испанскому менталитету, вроде меритократии² или необходимости давать шанс достойным, а не тем, кто нагрел себе местечко. Конечно, с его богатством можно себе позволить смотреть на мир сквозь розовые очки. Если бы у меня была сотая доля тех дура, которые ему некуда девать, я бы писал сонеты, и птички слетались бы со всех сторон и ели у меня из рук, очарованные моей добротой и ангельской кротостью.

– Сеньор Видаль – великий человек, – возразил я.

² Меритократия (букв. «власть достойных») – принцип управления, согласно которому руководящие посты должны занимать наиболее способные люди, независимо от их социального и экономического статуса и происхождения.

– И даже более. Он святой, ибо он целыми неделями не давал мне покоя, рассказывая, какой талантливый и трудолюбивый мальчик работает у нас в редакции на посылках, хоть у вас и вид форменного заморыша. Видадь знает, что в глубине души я человек мягкий и уступчивый. Кроме того, он мне посулил в подарок ящик гаванских сигар, если я предоставлю вам шанс. А слову Видаля я верю так же крепко, как и тому, что Моисей спустился с горы со скрижалями в руках, осененный светом истины, открытой ему небожителем. Короче, в честь Рождества, а главное, чтобы наш друг слегка уgomонился, я предлагаю вам попытать счастья, как полагается настоящим героям – всем ветрам назло.

– Огромное спасибо, дон Базилио. Клянусь, вы не расскажетесь, что...

– Не так быстро, молокосос. Ну-ка, что вы думаете об излишнем и неуместном употреблении наречий и прилагательных?

– Это позор, злоупотребление наречиями и прилагательными должно быть классифицировано как уголовное преступление, – отрапортовал я, как новобранец не плацу.

Дон Базилио одобрительно кивнул:

– Молодец, Мартин. У вас четкие приоритеты. В нашем ремесле выживают те, у кого есть приоритеты и нет принципов. Суть дела такова. Садитесь и наострите уши, поскольку я не намерен повторять дважды.

Суть дела заключалась в следующем. По ряду причин (дон

Басилио предпочел не углубляться в тему) оборот обложки воскресного выпуска, который традиционно оставляли для литературного эссе или рассказа о путешествиях, в последний момент оказалось нечем заполнить. На эту полосу предполагалось поместить рассказ о деяниях альмогаваров³, пропитанный патриотизмом и пафосной лирикой, – пламенную повесть о том, как средневековые воины героически спасали христианство (канцона к месту там и тут) и все на свете, что заслуживало спасения, от Святой земли до дельты Льебрегата. К сожалению, материал не поступил вовремя. И, как я подозревал, дон Басилио не горел желанием его публиковать. О проблеме стало известно за шесть часов до сдачи номера в набор. Достойной замены рассказу не было: нашелся только проспект на всю страницу с рекламой корсетов на костях из китового уса, которые обеспечивают божественную фигуру и в придачу иммунитет к макаронам. Совет директоров, оказавшись в безвыходном положении, здраво рассудил, что рано падать духом. Литературных талантов в редакции пруд пруди, и нужно было всего лишь выудить один, чтобы залатать прореху. Для развлечения постоянной семейной аудитории требовалось напечатать в четыре колонки любую вещь общечеловеческого содержания. Список проверенных талантов, к которым можно было бы обратиться, включал де-

³ Альмогавары – ударные войска королевства Арагон, сформированные из легкой пехоты, действовавшие в Средиземноморье в XIII–XIV вв. Проявили себя в период испанской Реконкисты. Служили наемниками в Италии и на Леванте.

сять фамилий, и моя, естественно, среди них не значилась.

– Дружище Мартин, обстоятельства сложились так, что ни один из доблестных рыцарей пера, поименованных в реестре запасных, недоступен физически или же доступен на грани разумных сроков. Перед лицом неминуемой катастрофы я решил дать вам возможность проявить свои способности.

– Можете на меня рассчитывать.

– Лично я рассчитываю на пять листов с двойным междустрочным интервалом до истечения шести часов, дон Эдгар Алан По. Дайте мне настоящую интригу, а не нравоучительную историю. Если вы предпочитаете проповедь, отправляйтесь на рождественскую всенощную. Дайте мне сюжет, который я еще не встречал, а если встречал, то пусть он будет изложен настолько блестяще и так лихо закручен, чтобы я забыл об этом.

Я собрался уходить, когда дон Басилио поднялся на ноги, обошел стол и положил мне на плечо ручищу размером и весом с добрую наковальню. И лишь теперь, очутившись с ним лицом к лицу, я заметил, что его глаза улыбаются.

– Если рассказ выйдет приличным, я заплачу вам десять песет. А если он получится чертовски приличным и понравится читателям, я опубликую вас снова.

– Какие-нибудь особые пожелания, дон Басилио? – спросил я.

– Да. Не разочаруйте меня.

Следующие шесть часов прошли для меня как на передовой. Я устроился за столом, стоявшим в центре редакционного зала. Стол зарезервировали для Видаля – на всякий случай, иногда ему взбредало в голову ненадолго заглянуть в издательство. Зал был пустынным и тонул в тумане, сотканном из дыма десяти тысяч папирос. Я на мгновение закрыл глаза и представил картину: небо затянуто пеленой туч, проливной дождь над городом, прячась в тени, крадется человек с окровавленными руками и загадкой во взоре. Я понятия не имел, кто он такой и почему спасается бегством, но в ближайшие шесть часов незнакомец должен был стать мне лучшим другом. Я заправил лист бумаги в каретку и без проводочек занялся воплощением замысла, созревшего в голове. Я выстрадал каждое слово, фразу, оборот и образ, каждую букву, как будто сочинял последний в своей жизни рассказ. Я писал и переписывал каждую строчку с одержимостью человека, само существование которого зависит от этой работы, а потом перекраивал текст заново. По издательству разносилось гулкое эхо непрерывного стрекота машинки, теряясь в полутемном зале. Большие часы на стене равнодушно отсчитывали минуты, остававшиеся до рассвета.

Без малого в шесть утра я выдернул из машинки последний лист и перевел дух, обессиленный, с ощущением, что у меня в голове роятся пчелы. Я услышал размеренную тяжелую поступь дона Басилио, соблюдавшего положенные часы

отдыха. Он пробудился и теперь неспешно приближался ко мне. Я собрал кипу напечатанных страничек и вручил ему, не осмеливаясь посмотреть в лицо. Дон Базилио уселся за соседний стол и зажег настольную лампу. Его взгляд скользил по тексту сверху вниз, не выдавая никаких эмоций. Затем он на миг отложил на край стола сигару и, не спуская с меня глаз, зачитал вслух первые строчки:

– «Ночь накрыла город, и запах пороха стелился по улицам, словно дыхание проклятия».

Дон Базилио глянул на меня исподлобья и расплылся в широкой улыбке, обнажив все тридцать два зуба. Не прибавив ни слова, он встал и вышел, не выпуская из рук моего рассказа. Я смотрел, как он шествует по коридору и исчезает за дверью. Оцепенев, я остался в зале, мучительно раздумывая, стоит ли обратиться в бегство немедленно или все же дождаться смертного приговора. Через десять минут, показавшихся мне десятилетием, дверь кабинета заместителя главного редактора распахнулась, и громовой голос дона Базилио разнесся по закоулкам редакции:

– Мартин, соблаговолите зайти.

Я оттягивал страшный миг, как мог, и тащился к кабинету, едва переставляя ноги и съеживаясь с каждым шагом. Наконец отступить стало некуда, оставалось только заглянуть в дверь. Дон Базилио, вооруженный разящим красным карандашом, холодно смотрел на меня. Я попробовал проглотить слюну, но рот пересох. Дон Базилио взял рукопись и возвра-

тил мне. Я со всех ног кинулся назад, к двери, убеждая себя, что в вестибюле гостиницы «Колумб» всегда найдется место для лишнего чистильщика ботинок.

– Отнесите это вниз, в типографию, и пусть набирают, – произнес голос у меня за спиной.

Я повернулся, решив, что стал участником какого-то жестокого розыгрыша. Дон Басилио выдвинул ящик письменного стола, отсчитал десять песет и выложил их на столешницу.

– Это вам. Советую на эти деньги обновить гардероб, поскольку я уже четыре года вижу вас в одном и том же костюме, и он по-прежнему велик вам размеров на шесть. Если хотите, можете зайти в портновскую мастерскую к сеньору Панталеони на улице Эскудельерс, скажете, что от меня. Он отнесется к вам внимательно.

– Большое спасибо, дон Басилио. Я так и поступлю.

– И приготовьте мне еще один рассказ в том же роде. Я даю вам неделю. Но не вздумайте почивать на лаврах. Кстати, постарайтесь, чтобы в новом рассказе было поменьше смертей, так как современному читателю нравится патока – хороший конец, где торжествует величие человеческого духа и прочая дребедень.

– Да, дон Басилио.

Заместитель редактора кивнул и протянул мне руку. Я пожал ее.

– Хорошая работа, Мартин. Я хочу, чтобы в понедельник

вы были за столом, где раньше сидел Хунседа. Теперь стол ваш. Я перевожу вас в отдел происшествий.

– Я вас не подведу, дон Базилио.

– Нет, вы меня не подведете. Вы сбежите от меня, рано или поздно. И правильно сделаете, поскольку вы не журналист и не станете им никогда. Но вы также еще и не писатель криминального жанра, каким себя воображаете. Поработайте у нас некоторое время, и мы вас научим кое-каким премудростям, что всегда пригодится.

В тот великий момент, момент признания, настороженность ослабела, и меня затопило чувство столь великой признательности, что мне захотелось обнять этого замечательного человека. Дон Базилио – маска разгневанного громовержца вернулась на привычное место – пригвоздил меня к месту стальным взглядом и указал на дверь.

– Только без дешевых сцен, пожалуйста. Закройте дверь. С обратной стороны. И с Рождеством.

– С Рождеством.

В понедельник я прилетел в редакцию как на крыльях, предвкушая момент, когда впервые сяду за собственный стол, и обнаружил пакет из оберточной бумаги, перевязанный бантом. Мое имя было напечатано на машинке, на которой я немало потрудился за последние годы. Я вскрыл пакет. Внутри лежал оборот обложки воскресного номера с моим рассказом, обведенным в рамку. К посылке прилагалась записка: «Это только начало. Через десять лет я останусь лишь

подмастерьем, но ты превратишься в мастера. Твой друг и коллега Педро Видаль».

Мой литературный дебют выдержал крещение огнем. Дон Базилио, верный своему слову, дал мне возможность напечатать еще пару рассказов в аналогичном стиле. Вскоре дирекция разрешила издавать мои блестящие опусы еженедельно, но при условии, что я буду неукоснительно выполнять все свои прежние обязанности в редакции за то же самое вознаграждение. Одурманенный тщеславием и утомлением, я целыми днями переделывал тексты коллег и на лету составлял хроники текущих происшествий, изобиловавшие ужасными подробностями. Я надрывался только ради того, чтобы ночью, оставшись в одиночестве в редакционном зале, писать роман, выпускавшийся отдельными главами. Его замысел я давно лелеял в воображении. Лишенный глубины и полный условности, он под названием «Тайны Барселоны» являл собой беззастенчивую мешанину из классики, от Дюма до Стокера, исполненный в манере Сю и Феваля⁴. Я спал часа по три в сутки и выглядел так, словно ночевал в гробу. Видаль, никогда не испытывавший голода, который не имеет ничего общего с желудком и гложет человека изнутри, при-

⁴ Сю, Эжен (1804–1857) – французский писатель, один из основоположников массовой литературы. Феваль, Поль (1816–1887) – французский писатель, автор популярных приключенческих романов, так называемых романов плаща и шпаги, при жизни пользовался не меньшим успехом, чем Бальзак и Дюма.

держивался мнения, что я сжигаю свой мозг и, если так пойдет и дальше, отпраздную похороны раньше, чем двадцатилетие. У Дона Базилио, которого мое усердие несколько не шокировало, тоже имелась собственная точка зрения. Каждую следующую главу он публиковал неохотно, огорчаясь из-за того, что считал патологическими явлениями и непростительной растратой таланта на сомнительный сюжет и низкопробную интригу.

«Тайны Барселоны» вскоре дали жизнь скромной звезде жанра, героине, которую я представлял такой, какой только может представлять *femme fatale*⁵ восемнадцатилетний юноша. Хлое Перманиер была темной принцессой вампиресс. Дама обладала острым умом и в еще большей степени изворотливостью и обожала самые изысканные и новейшие модели корсетов. В романе она действовала как возлюбленная и правая рука таинственного Балтасара Мореля, мозга демонического мира. Морель жил в подземном замке, населенном роботами и зловещими зомби, которые пользовались потайным ходом через тоннели, пролежавшим глубоко под катакомбами Готического квартала. Утонченная Хлое убивала свои жертвы изысканным способом – в гипнотическом танце. Во время танца она сбрасывала одежды, а затем целовала жертву губами, покрашенными ядовитой помадой. Яд парализовал мышцы тела, и тогда женщина душила жерт-

⁵ Роковая женщина (*фр.*).

ву, безмолвно глядя ей в глаза. Чтобы не отравиться самой, Хлое заблаговременно принимала противоядие, растворив его в бокале «Дом Периньон» наивысшего качества. У Хлое и Балтасара имелся собственный кодекс чести. Они уничтожали лишь негодяев – разбойников, мерзавцев, ханжей, фанатиков, чопорных догматиков и всевозможных придурков. Иными словами, они освобождали мир от тех, кто сживает со свету ближних во имя знамени, Бога, языка, национальности и прочей высокопарной чуши, которая служит удобной ширмой для алчности и ничтожества. В моих глазах они были героями, разумеется, инакомыслящими, как все настоящие герои. Литературные вкусы дона Базилио сформировались в золотой век испанской поэзии, поэтому ему все это представлялось глупостью космического масштаба. Однако читатели тепло принимали истории, а сам дон Базилио невольно проникся ко мне искренним расположением и потому терпел мои чудачества, оправдывая их неугасимым пылом юности.

– У вас больше рвения, чем хорошего вкуса, Мартин. Недуг, который вас точит, имеет название, и называется он *grand guignol*⁶, что влечет за собой драму так же верно, как сифилис – позор. Ваши достижения, возможно, отрадны, но эта дорога ведет вниз, в никуда. Вы должны читать классиков

⁶ Наименование пьес, спектаклей и отдельных сценических приемов, в основе которых изображение различных преступлений, злодейств, избиений, пыток и т. п. Происходит от названия театра «Гран Гиньоль», открытого в 1899 г. в Париже.

или хотя бы дона Бенито Переса Гальдоса⁷, чтобы развивать свои литературные запросы.

– Но читателям нравятся новеллы, – запротестовал я.

– Вашей заслуги тут нет. Это вопрос конкуренции, которая чрезвычайно слаба. Ученые зануды ухитряются десятком строк даже осла ввергнуть в состояние кататонии. Стоит только повзрослеть, и запретный плод обретет привкус горечи.

Я кивнул, изображая раскаяние, но в душе слушал музыку заветных слов *grand guignol* и говорил себе, что любое дело, сколь ничтожным бы оно ни казалось, нуждается в доблестном защитнике, который постоит за его честь.

Я почувствовал себя счастливейшим из смертных, узнав, что некоторые мои коллеги из газеты раздосадованы моими успехами. Их задевало, что мальчишка-посыльный и признанный талисман редакции делал первые шаги в мире слов, тогда как их собственные писательские устремления и амбиции давным-давно зачахли в серых буднях житейских неурядиц. Усугубляло положение то обстоятельство, что читате-

⁷ Бенито Перес Гальдос (1843–1920) – выдающийся испанский писатель, романист, представитель критического реализма в испанской литературе. Также он принимал деятельное участие в политической жизни страны, был депутатом республиканской партии. Автор около 80 романов, ряда драматических произведений и рассказов. Заметное место в его творчестве занимает реалистическая историческая эпопея «Национальные эпизоды». Эпопея охватывает период от вторжения Наполеона до провозглашения Первой республики середины XIX века.

ли газеты с жадностью проглатывали мои скромные творения и оценивали их выше, чем любое другое произведение, сошедшее с печатного станка за последние двадцать лет. Я стал свидетелем неприятной метаморфозы: всего за несколько недель те люди, кого до недавнего времени я считал членами единственной своей семьи, под влиянием уязвленного самолюбия превращаются в злобных судий. Коллеги переставали со мной здороваться и разговаривать. Они с удовольствием совершенствовались в искусстве злословия, отзываясь обо мне за спиной в выражениях, исполненных ехидства и презрения. Мой заметный и необъяснимый успех они приписывали помощи Педро Видаля, а также невежеству и глупости наших подписчиков. Оскорбленные в лучших чувствах, они хором апеллировали к распространенной и весьма удобной национальной парадигме, согласно которой достижение определенной степени признания в той или иной профессиональной области квалифицировалось как неопровержимое свидетельство ущербности и отсутствия достоинства.

* * *

В свете столь неожиданного развития событий, не предвещавшего ничего хорошего, Видадь пытался меня подбодрить, но у меня уже начали закрадываться подозрения, что мои дни в редакции сочтены.

– Зависть – это религия серости. Она бодрит посредствен-

ные личности, прислушивается к снедающим их страстям и в итоге разлагает душу. Зависть нашептывает оправдания собственному убожеству и алчности, приравнивая их чуть ли не к добродетелям. Зависть внушает уверенность, будто небесные врата открыты лишь для неудачников, кто не оставил по себе достойного следа, ибо растратил жизнь на неприглядные попытки унижить других, отвергнуть и по возможности уничтожить более одаренных соплеменников по той единственной причине, что они таковы, как есть. Ведь на ярком фоне особенно заметны духовная нищета, скудоумие и малодушные посредственных. Блажен тот, кого облаивают идиоты, ибо те не властны над своей душой. Аминь, – заключил дон Басилио. – Если уж вы не родились богатеньким, вам следовало бы сделаться священником. Или революционером. Подобного рода проповеди заставят прослезиться даже епископа.

– Да, вам смешно! – возмутился я. – Но ведь ненавидят-то меня!

Хотя мои труды всколыхнули волну недоброжелательства, возбудив опасение коллег, что мои усилия принесут плоды, лавры популярного автора не окупались. Печальная реальность заключалась в том, что жалованья мне едва хватало, чтобы кое-как сводить концы с концами, покупать книги, которые я успевал прочитать, и снимать каморку в пансионе, притулившемся в недрах переулка по соседству с улицей

Принцессы. В пансионе заправляла набожная галисийка, откликавшаяся на имя донья Кармен. Донья Кармен требовала скромности и благочестия и меняла простыни один раз в месяц, в связи с чем советовала постояльцам воздерживаться от соблазна заниматься онанизмом или ложиться в постель в грязной одежде. Устанавливать запрет на присутствие женщин в комнатах не было необходимости: во всей Барселоне не нашлось бы женщины, согласной подняться в эту дыру даже под страхом смерти. Поселившись там, я усвоил, что почти все в жизни можно стерпеть, в первую очередь запахи. И я понял очень отчетливо, что если к чему и следует стремиться в жизни, так это не умереть в подобном месте. В минуты уныния, а такие выпадали очень часто, я говорил себе, что литература остается единственным средством выбраться оттуда прежде, чем я заболел туберкулезом. И если кого-то это задевало или смущало, мне терять было нечего.

По воскресеньям донья Кармен отправлялась к мессе на еженедельное свидание с Всевышним. Пока шла служба, постояльцы пансиона пользовались случаем повеселиться. Все собирались в комнате соседа, самого старшего и опытного из нас – бедолаги по имени Элиодоро. Он с юности мечтал стать матадором, но так и остался комментатором-любителем корриды и обслуживал писсуары на солнечной стороне арены «Пласа Монументаль».

– Искусство боя быков умерло, – вещал он. – Нынче кор-

рида стала доходным делом для жадных торговцев скотом и бездушных тореро. Публика не видит различия между боем быков на потребу толпе и высоким искусством, которое способны оценить лишь знатоки.

– Ай, если бы вам представился шанс, дон Элиодоро, дело пошло бы на лад.

– Так ведь в этой стране торжествуют только бездари.

– Лучше не скажешь.

После традиционного вступления, произносимого дон-ом Элиодоро каждую неделю, наступал час потехи. Сгрудившись тесной кучкой у небольшого оконца, постояльцы сквозь микроскопический проем могли понаблюдать за упражнениями и услышать стоны обитательницы соседнего дома, Марухиты, прозванной Перчиком. Прозвище свое она получила за острый язык и обильное тело, сложением напоминавшее сладкий перец. Марухита зарабатывала на хлеб, надраивая хоромы всяких выскочек, но воскресенья и церковные праздники, обязательные для посещения службы, она всецело посвящала возлюбленному семинаристу. Семинарист тайком прибывал в город на поезде из Манресы и отдавался познанию греховного с похвальным рвением и энергией. Мои соседи как раз прилипли к стеклу окошка, точно тесто для пасхальных крендельков, стараясь не пропустить миг, когда внушительные ягодицы Марухиты взлетали вверх, как на качелях, что очень всех веселило. И тут у входа в пансион раздался звонок. Добровольцев идти открывать не

нашлось, поскольку никто не хотел рисковать потерей места в партере, откуда открывался хороший вид. И я отказался от намерения присоединиться к компании, направившись к двери. Когда я отворил ее, моему взору предстало дивное видение, невероятное в столь убогом обрамлении. Дон Педро Видадь во всей красе – с изысканными манерами, внешностью героя-любовника и в шелковом итальянском костюме – стоял с улыбкой на лестничной площадке.

– Да будет свет, – провозгласил он и вошел, не дожидаясь приглашения.

Видадь остановился, обозревая комнату, служившую попеременно столовой и агорой⁸ этого ковчега, и досадливо вздохнул.

– Наверное, лучше пройти в мою комнату, – предложил я.

Я повел его к себе. От стен рикошетом отдавались ликующие возгласы и приветственные крики моих соседей в честь Марухиты и ее любовных кульбитов.

– Веселенькое местечко, – заметил Видадь.

– Извольте проследовать в президентские апартаменты, дон Педро, – пригласил я гостя.

Мы переступили порог, и я захлопнул за спиной дверь. Окинув беглым взглядом каморку, он уселся на единственный имевшийся стул и мрачно посмотрел на меня. Не составляло большого труда догадаться, какое впечатление на

⁸ Агора – площадь в древнегреческих городах, где происходили народные собрания.

него должно было произвести мое скромное жилище.

– И как вам?

– Восхитительно. Я готов тоже сюда переехать.

Педро Видаль жил на вилле «Гелиос», монументальном модернистском особняке в три этажа и с башней. Он был выстроен на отрогах холма, возвышавшегося над Педральбес на пересечении улиц Абадеса Олсет и Панама. Дом десять лет назад подарил Видалю отец, надеявшийся, что сын остепенится и создаст семью – предприятие, с которым дон Педро уже запаздывал годков этак на пятнадцать – двадцать. Судьба благословила дона Педро Видаля множеством талантов, в том числе способностью разочаровывать и оскорблять отца каждым своим шагом и поступком. Его дружба с нежелательными личностями вроде меня не способствовала потеплению отношений. Мне хорошо запомнился один случай. В тот день я привез своему ментору кое-какие материалы из издательства и столкнулся в одном из залов виллы «Гелиос» с патриархом клана Видаль. Увидев меня, отец дона Педро приказал принести бокал газировки и чистую салфетку, чтобы вытереть пятно на лацкане пиджака.

– Боюсь, вы ошиблись, сеньор. Я не прислуга...

Он наградил меня улыбкой, без слов разъяснившей, какой порядок вещей заведен в мире.

– Это ты ошибаешься, мальчик. Ты прислуга, отдаешь себе в том отчет или нет. Как тебя зовут?

– Давид Мартин, сеньор.

Патриарх попробовал на вкус мое имя.

– Послушайся моего совета, Давид Мартин. Уходи из этого дома и возвращайся туда, где твое место. Ты избежишь больших проблем и избавишь от них меня.

Я никогда не признавался в том дону Педро, но в следующий миг бегом мчался на кухню за газировкой и салфеткой, а затем потратил четверть часа, отчищая пиджак большого человека. Тень клана простиралась далеко, и сколько бы дон Педро ни изображал из себя покровителя богемы, вся его жизнь являла собой очередное звено в семейной цепи. Вилла «Гелиос» удобно располагалась в пяти минутах ходьбы от большого отцовского особняка, вздымавшегося на самом высоком участке бульвара Пеарсон. На помпезное нагромождение балюстрад, парадных лестниц и мансард издалека смотрела вся Барселона – такими глазами смотрит ребенок на незатейливые игрушки. Каждый день отряд прислуги и кухарка из большого дома (поскольку семейный очаг был именованным объектом, включавшим любое количество объектов, трактовавшихся в династии Видадь как единое целое) прибывал на виллу «Гелиос». Подневольные рекруты мыли и чистили, наводили лоск, гладили и готовили, выстилая лебяжьим пухом ложе комфорта и счастливого забвения обременительных хлопот повседневной жизни, на котором привык почивать мой состоятельный покровитель. Дон Педро Видадь перемещался по городу в автомобиле марки «Испано-Суиса» новейшей модели с собственным

шофером Мануэлем Сагниером за рулем, и не исключено, что он ни разу в жизни не ездил на трамвае. Как истинному отпрыску благородного рода, выросшему во дворце, Видалю была неведома печальная обветшалая прелесть мира дешевых пансионов в Барселоне того времени.

– Не стесняйтесь, дон Педро.

– Это место похоже на застенок, – наконец вынес он вердикт. – Не представляю, как ты можешь здесь жить.

– С моим жалованьем – с большим трудом.

– Если нужно, я добавлю, сколько не хватает, чтобы поселиться в квартире, где не смердит серой и мочой.

– Ни в коем случае.

Видаль вздохнул:

– Скончался от гордыни, задохнувшись насмерть. Вот тебе эпитафия, дарю.

Некоторое время Видаль молча бродил по комнате, оставаясь, чтобы подвергнуть тщательному осмотру мой микроскопический шкаф или выглянуть в окно с выражением величайшего отвращения на лице. Он потрогал зеленоватую краску, покрывавшую стены, и осторожно постучал указательным пальцем по голой электрической лампочке, свисавшей с потолка, словно задавшись целью убедиться, что все содержимое каморки отвратительно.

– Что привело вас сюда, дон Педро? На Педральбес слишком чистый воздух?

– Я приехал не из дома. Я был в издательстве.

– И что же?

– Мне стало любопытно, где ты живешь, а также я привез кое-что для тебя. – Он извлек из кармана пиджака светлый пергаментный конверт и протянул его мне: – Пришло сегодня в редакцию на твое имя.

Я взял конверт и внимательно его изучил. Он был запечатан сургучом, на котором виднелся отпечаток крылатой фигуры ангела. Кроме печати, на конверте стояло только мое имя, старательно выведенное красными чернилами изящным почерком.

– Кто его прислал? – спросил я, заинтригованный.

Видаль пожал плечами:

– Какой-нибудь поклонник. Или поклонница. Не знаю. Открой его.

Я аккуратно распечатал конверт и вынул сложенный листок бумаги. Письмо было начертано тем же изящным почерком и гласило следующее:

Дорогой друг,

я взял на себя смелость написать Вам, чтобы выразить свое восхищение и поздравить с заслуженным успехом «Тайн Барселоны», печатавшихся в нынешнем сезоне на страницах «Голоса индустрии». Как читателю и ценителю хорошей литературы, мне доставило большое удовольствие услышать новый голос, исполненный таланта, юности и обещания. Поэтому позвольте мне в знак признательности за приятные часы, проведенные за чтением Ваших новелл,

пригласить Вас сегодня в двенадцать ночи в «Грезу Равалья» и преподнести небольшой сюрприз. Надеюсь, он Вас не разочарует. Вас будут ждать.

С уважением, А.К.

Видадь, ознакомившись с текстом поверх моего плеча, вскинул брови, очень удивленный.

– Интересно, – пробормотал он.

– Что интересного? – спросил я. – Что там такое в «Грезе»?

Видадь достал папиросу из платинового портсигара.

– Донья Кармен не разрешает курить в пансионе, – поспешил предупредить я.

– С какой стати? Табачный дым заглушает вонь клоаки?

Видадь прикурил папиросу и затянулся с особым удовольствием, как будто все запретное доставляло ему двойное наслаждение.

– Ты был близко знаком хотя бы с одной женщиной, Давид?

– Ну конечно. Со многими.

– В библейском смысле, я имею в виду.

– На мессе?

– Нет, в постели.

– О!

– Итак?

Не вызывало сомнений, что рассказ о моих подвигах едва ли способен произвести впечатление на такого человека,

как Видаль. До сих пор мои отроческие похождения и увлечения отличались скромностью и не поражали оригинальностью. Едва ли пылкие объятия, нежные взгляды и вороватые поцелуи в полумраке подъездов и кинозалов могли претендовать на снисходительное внимание мастера, посвященного в тайны искусства и науки альковных игр Графского города.

– А при чем тут это? – взбунтовался я.

Видаль напустил на себя профессорский вид и разразился одной из своих лекций:

– Во времена моей юности считалось вещью вполне естественной, во всяком случае, для молодых людей моего круга, принимать посвящение на любовном ристалище от руки профессионалки. Когда я достиг примерно твоего возраста, отец, который был и до сих пор остается постоянным гостем самых изысканных заведений в городе, привел меня в клуб под названием «Греза». Он находился в двух шагах от жуткого дворца, который наш почтенный граф Гуэль поручил построить Гауди⁹ по соседству с бульваром Рамбла¹⁰. Не говори, что ты ни разу не слышал о нем.

– О графе или о публичном доме?

⁹ Гауди-и-Корнет, Антонио (1852–1926) – выдающийся каталонский архитектор. Близок к стилю модерн, хотя уместнее говорить о собственном стиле Гауди. Покровителем, единомышленником и заказчиком Гауди был промышленник, эстет и меценат граф Эусебио Гуэль.

¹⁰ Знаменитый бульвар в Барселоне. Варианты названия: Ла Рамбла, Лас Рамблас. Бульвар, протянувшийся от площади Каталонии до памятника Колумбу, делится на пять сегментов, и каждый из них имеет свое название.

– Очень остроумно. «Греза» имела репутацию эlegantного заведения для избранной клиентуры со своими правилами. Правда, я полагал, что она закрылась много лет назад, но, по-видимому, дела обстоят иначе. В отличие от литературы некоторые промыслы всегда находятся на подъеме.

– Понятно. И что вы думаете? Это своеобразная шутка? Видаль покачал головой.

– Какого-то идиота из редакции, например?

– Я слышу отголоски враждебности в твоих словах, однако уверен, что человеку, посвятившему себя благородному служению печатному делу в звании рядового, не осилить тарифы местечка, подобного «Грезе», если речь именно о том самом борделе.

Я фыркнул:

– Не имеет значения, поскольку я не собираюсь идти.

Видаль поднял брови.

– Не вздумай убеждать меня, что ты не циник, как я, и желаешь взойти на брачное ложе непорочным душой и телом. И твое чистое сердце томится в ожидании волшебного мгновения, когда истинная любовь позволит тебе познать экстаз слияния души и тела с благословения Святого Духа. И ты жаждешь подарить миру выводок детишек, которые унаследуют фамилию отца и глаза матери, святой женщины, образца добродетели и скромности, рука об руку с которой ты войдешь в небесные врата, провожаемый благосклонным и одобрительным взором Младенца Христа.

– Даже в мыслях такого не было.

– Отрадно. Ибо возможно, подчеркиваю, возможно, ты вообще не полюбишь, не сможешь и не захочешь кому-то посвящать жизнь. А затем тебе, как и мне, исполнится сорок пять лет, и ты осознаешь, что уже не молод, и хор ангелов с лирами не спел тебе, и ты не прошествовал к алтарю по ковру из белых роз. Единственным доступным отмщением останется урвать у жизни наслаждение – удовольствия плоти, осязаемой и горячей, что испаряется быстрее добрых намерений. Одно лишь это подобно небесам в нашем поганом мире, где все обращается в тлен, начиная красотой и заканчивая памятью.

Я выдержал значительную паузу на манер безмолвных оваций. Видаль был страстным поклонником оперы, и в результате в его памяти запечатлелись все такты и возвышенные тексты великих арий. Он никогда не пропускал свидания с Пуччини в семейной ложе в «Лисео». Дон Педро был одним из немногих (за исключением бедняг, толпившихся на галерке), кто приходил в театр слушать музыку, которую искренне любил. Он был настолько подвержен ее влиянию, рассуждая о божественном и человеческом, что порой увлекался, как случилось и теперь.

– Что? – спросил Видаль с вызовом.

– Последний пассаж мне знаком.

Задетый за живое, он вздохнул и кивнул.

– Это из «Убийства на подмостках Лисео», – спохватил-

ся Видаль. — Заключительная сцена, в которой Миранда Ла Флер стреляет в жестокого маркиза, разбившего ее сердце и предавшего ради ночи страсти в номере для новобрачных гостиницы «Колумб» с царской шпионкой Светланой Ивановой.

— Я так и подумал. Вы не могли сделать лучшего выбора. Это ваш шедевр, дон Педро.

Видадь поблагодарил за похвалу улыбкой и прикинул, не выкурить ли ему вторую папиросу.

— Что не умаляет справедливости сказанного, — подвел он черту.

Видадь уселся на подоконник, предусмотрительно застелив его носовым платком, чтобы не испачкать модельные брюки. Я заметил, что «испано-суиса» припаркована поодаль, на углу улицы Принцессы. Шофер Мануэль заботливо наводил суконкой глянец на хромированные части, как будто речь шла о скульптуре Родена. Мануэль всегда напоминал мне отца: люди одного поколения, они пережили слишком много горестей, оставивших неизгладимую печать у них на лице. Я слышал, как слуги на вилле «Гелиос» судачили, будто Мануэль Сагниер много лет провел в тюрьме. Выйдя на свободу, он долгое время прозябал в нищете, поскольку не мог найти другой работы, кроме работы грузчика, а для того, чтобы таскать мешки и ящики на пристани, он не годился ни по возрасту, ни по состоянию здоровья. По слухам, в дело вмешался случай: однажды Мануэль, рискуя соб-

ственной жизнью, спас Видаля от верной гибели под колесами трамвая. В благодарность дон Педро, узнав о бедственном положении несчастного, предложил ему работу и разрешил переехать вместе с женой и дочерью в небольшую квартиру над каретными сараями виллы «Гелиос». Он дал твердое обещание, что маленькая Кристина будет учиться у тех же наставников, которые ежедневно приходили в отчий дом на бульваре Пеарсон преподавать науки отпрыскам семейства Видаля, а супруга, портниха, получит возможность и дальше заниматься ремеслом, обшивая семью. Видаля подумывал тогда приобрести один из первых автомобилей, появления которых ожидали на рынке Барселоны со дня на день. Якобы он сказал, что если Мануэль согласен освоить искусство управления моторизованным экипажем, забыв о телегах и тартанах, то вскоре Видалю понадобится шофер. В те времена молодые люди хорошего происхождения и пальцем не прикасались к механизмам, потребляющим топливо и испускающим выхлопные газы. Мануэль, разумеется, согласился. По официальной версии, после чудесного избавления из нищеты Мануэль Сагниер и его домашние питали слепую преданность к Видалю, извечному рыцарю, защитнику обездоленных. Я не знал, можно ли верить этой истории буквально, или же ее следует отнести к обширному циклу легенд о доброте аристократии, всячески культивируемых Видалем. Иногда казалось, что для полноты картины ему остается только предстать в сияющем нимбе перед какой-нибудь

деревенской сироткой.

– Едва тебя посещают нехорошие мысли, появляется это постное выражение на лице, – поделился наблюдением Видаль. – О чем задумался?

– Ничего особенного. Размышлял о вашей доброте, дон Педро.

– В твоём возрасте и положении цинизм не поможет открыть двери.

– Это все объясняет.

– Давай, поздоровайся со стариной Мануэлем. Он всегда о тебе спрашивает.

Я высунулся в окно. Шофер имел обыкновение обращаться со мной как с молодым господином, а не плебеем, кем я, в сущности, являлся. Заметив меня, он издали помахал рукой. Я вежливо ответил на приветствие. На пассажирском месте сидела его дочь Кристина, небесное создание с прозрачной кожей и губами, достойными кисти художника. Она была старше меня всего на пару лет и похитила мое сердце, едва я увидел ее, когда Видаль впервые пригласил меня на виллу «Гелиос».

– Не смотри на нее так, словно хочешь съесть, – пробормотал Видаль у меня за спиной.

Я обернулся и обнаружил на его лице характерное макиавеллиевское выражение, какое он приберегал для сердечных дел и прочих благородных материй.

– Не понимаю, о чем вы.

– Какая искренность, – отозвался Видаль. – Кстати, что ты намерен делать с сегодняшней ночью?

Я перечитал записку и заколебался.

– Вы часто навещаете подобного рода заведения, дон Педро?

– Я не платил ни одной женщине с пятнадцати лет, да и тогда формально заплатил отец, – без тени бахвальства ответил Видаль. – Но дареному коню...

– Не знаю, дон Педро...

– Знаешь, конечно.

По пути к двери Видаль легонько хлопнул меня по спине.

– До полуночи у тебя осталось семь часов, – сообщил он. – Говорю на случай, если захочешь вздремнуть и набраться сил.

Я перегнулся через подоконник и следил, как он уходит, направляясь к машине. Мануэль открыл дверцу, и Видаль лениво скользнул на заднее сиденье. Мотор «испано-суисы» ожил, заиграв увертюру клапанов и поршней. И в этот миг дочь шофера Кристина подняла глаза и посмотрела на мое окно. Я улыбнулся ей, хотя догадывался, что она меня совсем не помнит. В следующее мгновение она отвела взгляд, и большой экипаж Видалья умчался, возвращаясь в свой мир.

В те годы улица Ноу-де-ла-Рамбла тянулась сквозь потемки Равалья сияющим коридором из горящих фонарей и светящихся афиш. Справа и слева улицы кабаре, танцевальные залы и пивные с буйной клиентурой толкались локтями с домами особого сорта, где предлагались утехы Венеры, гашиш и банные услуги. Эти заведения были открыты до зари, и разномастная публика, от франтоватых молодых господ до моряков из экипажей барок, пришвартованных в порту, варилась в одном котле с престранными и колоритными личностями, которые вели исключительно ночной образ жизни. В обе стороны, как притоки реки, ответвлялись тесные переулки, затянутые мглой, которая плотной завесой скрывала вереницу опустившихся проституток.

«Греза» занимала верхний этаж здания, где на первом помещался мюзик-холл, разукрашенный большими афишами, оповещавшими о выступлениях танцовщицы. На плакате актриса была изображена в прозрачной тоге, ниспадавшей свободными складками и не скрывавшей выдающихся прелестей; в руках женщина держала черную змею, будто целующую ее раздвоенным языком в губы.

«Эва Монтенегро и танго смерти, – гласила афиша. – Королева ночи специально для вас дает только шесть представ-

лений. С потусторонним участием Месмера, ясновидца, который прочтет ваши мысли и откроет самые сокровенные тайны».

Рядом с парадным входом в мюзик-холл находилась узкая дверь. Сразу за ней, стиснутая в колодце выкрашенных красной краской стен, начиналась длинная лестница. Я поднялся по ступеням и очутился перед высокой дверью из резного дуба. Молоточком служила бронзовая фигурка нимфы с целомудренным листочком клевера на лобке. Я постучал раза два и стал ждать, избегая смотреть на свое изображение в большом дымчатом зеркале, занимавшем почти всю стену. Я уже начал подумывать, не пуститься ли мне наутек, когда дверь открылась и пожилая женщина с седыми как лунь волосами, аккуратно уложенными в пучок, приветствовала меня безликой улыбкой.

– Наверное, вы сеньор Давид Мартин.

В жизни меня никто не называл «сеньором», и официальное обращение застигло меня врасплох.

– Это я.

– Не угодно ли войти? Прошу вас, следуйте за мной.

Я направился за ней по короткому коридору в просторную круглую гостиную со стенами, обитыми красным бархатом, и приглушенным светом. Потолок изгибался хрустальным сводом, расцвеченным эмалями. Висевшая под куполом люстра также была хрустальной. Под люстрой на столе красного дерева громоздился гигантских размеров граммофон,

выводивший оперную арию.

– Желаете выпить, кабальеро?

– Я был бы признателен, если у вас найдется стакан воды.

Седовласая дама не моргнув глазом улыбнулась, сохраняя приветливый вид и полнейшую невозмутимость.

– Быть может, сеньор предпочтет бокал шампанского или сухого хереса?

Я не был искушен в тонкостях букетов и марок хмельной воды, а потому пожал плечами:

– На ваш выбор.

Дама кивнула, не переставая улыбаться, и указала на одно из мягких широких кресел, разбросанных островками по залу:

– Не угодно ли кабальеро сесть? Хлое сейчас к вам выйдет.

Я поперхнулся.

– Хлое?

Не обращая внимания на мое замешательство, седовласая дама скрылась за дверью, угадывавшейся за пологом из черных бусинок, и я остался в одиночестве, обуреваемый смятением и постыдными желаниями. Я обошел помещение, пытаясь побороть охватившую меня дрожь. В зале звучала негромкая музыка, а в висках у меня стучала кровь, но в остальном то место больше всего напоминало гробницу. Из гостиной выходило шесть коридоров с нишами вдоль стен, задрапированными голубыми занавесками. Коридоры

вели к шести двустворчатым белым дверям. Я рухнул в кресло, казалось, специально созданное для того, чтобы нежить зад принца-регента или генералиссимуса, слегка утомленного государственными переворотами. Вскоре седовласая дама вернулась с бокалом шампанского на серебряном подносе. Я взял бокал и с удивлением увидел, как она нырнула обратно в ту же дверь. Осушив бокал одним глотком, я расстегнул ворот рубашки. У меня шевельнулось подозрение, будто происходящее было всего лишь шуткой – например, Видаль решил повеселиться за мой счет. И в этот момент я заметил, что ко мне из глубины одного из коридоров приближается человеческая фигура. Она выглядела детской, и в самом деле это оказалась маленькая девочка. Она шла, низко опустив голову, так что ее глаза я не мог увидеть. Я привстал.

Девочка присела в почтительном реверансе и жестом пригласила следовать за собой. И только тогда я обратил внимание, что одна рука у нее была искусственной, как у манекена. Девочка проводила меня в конец коридора и, открыв дверь ключом, висевшим у нее на шее, посторонилась, пропуская вперед. Комната тонула в темноте. Я шагнул внутрь, пытаясь хоть что-то рассмотреть, и услышал, как за спиной закрывается дверь. Когда я обернулся, девочка уже исчезла из поля зрения. Раздался скрежет ключа в замке, и я понял, что меня заперли. Почти минуту я простоял неподвижно. Наконец глаза привыкли к темноте, и комната стала по-

степенно обретать очертания. Все помещение, от пола до потолка, было затянуто темной тканью. Вдоль стены угадывался ряд необычных приспособлений, подобных которым мне видеть не доводилось, и я не мог решить, веяло от них больше пороком или искушением. Широкое круглое ложе осенял полог, похожий на паутину огромного размера, с которого свисали две лампы. В лампах тлели толстые черные свечи, распространяя запах горячего воска, присущий церквям или молельням. Рядом с постелью стояла ширма изогнутой формы. Я ощутил озноб. Комната как две капли воды походила на спальню, которую я придумал для своей неподражаемой вампирессы и подробно описал, рассказывая о похождении Хлое в «Тайнах Барселоны». От этой мистификации явственно пахло паленым. Я уже решился на попытку сломать дверь, как вдруг почувствовал, что больше не один в комнате. Я замер, похолодев. На меня уставились два сверкающих глаза. И я увидел, как тонкие белые пальцы с длинными острыми ногтями, покрытыми черным лаком, раздвигают створки ширмы. У меня перехватило дыхание.

Это была она. Моя Хлое. Условная и непревзойденная *femme fatale*, героиня моих фантастических рассказов из плоти и крови. У нее была бледная кожа (бледнее я в жизни не видел), и черные блестящие волосы, подстриженные под прямым углом, обрамляли лицо. Помада на губах походила на свежую кровь, а зеленые глаза осеняли темные тени. Она двигалась с кошачьей грацией: тело, затянутое в переливаю-

щийся, как чешуя, корсет, словно состояло из воды и не подчинялось законам гравитации. Точеную, бесконечно длинную шею обвивала ярко-алая бархатная тесьма, на которой висело перевернутое распятие. Затаив дыхание, я смотрел, как женщина медленно приближается, не в силах оторвать взгляд от ее ног, изумительно очерченных, обтянутых шелковыми чулками, стоившими, наверное, больше моего годового заработка. Маленькие ступни были обуты в туфли на высоком каблуке не толще острия кинжала, подвязанные к щиколоткам атласными лентами. Я в жизни не видел зрелища прекраснее, но в то же время оно внушало мне смертельный ужас.

Я позволил этому созданию увлечь меня к кровати, куда рухнул буквально как подкошенный. Отблеск свечей любовно нежил контуры ее тела. Мое лицо и губы оказались на уровне ее голого живота, и, не осознавая до конца своих действий, я поцеловал ее ниже пупка и потерся щекой о кожу. К тому моменту я уже забыл, кто я есть и где нахожусь. Она опустила передо мной на колени и взяла за руку. Вкрадчиво, точно кошка, облизала пальцы один за другим и, пристально посмотрев в лицо, начала раздевать. Я сделал попытку ей помочь, но она улыбнулась и отвела мои руки.

– Ш-ш-ш.

Справившись с задачей, она наклонилась ко мне и коснулась губ языком.

– А теперь ты. Раздень меня. Медленно. Очень медленно.

И тогда я понял, что пережил все горести и болезни своего унылого детства только ради этих мгновений. Я неспешно раздел ее, обнажая кожу покров за покровом, пока на ней не осталась только бархатная тесьма на шее и черные чулки, одним воспоминанием о которых бедолаги вроде меня могли бы тешиться лет сто.

– Поласкай меня, – шепнула она мне на ухо. – Поиграй со мной.

Я гладил и целовал каждый кусочек ее кожи так, словно хотел запечатлеть в памяти навсегда. Хлое не торопилась и отвечала на прикосновения моих рук и губ слабыми стонами, побуждавшими меня к действию. Потом она заставила меня вытянуться на постели и накрыла мое тело своим так, что я вскоре почувствовал себя как на костре. Я положил руки ей на спину и провел ладонями вдоль чудесной ложбинки – там, где проходит позвоночник. Ее непостижимые глаза оказались всего в нескольких сантиметрах от моего лица. Мне показалось, что нужно что-то сказать.

– Меня зовут...

– Ш-ш-ш.

Прежде чем я успел сморозить еще какую-нибудь глупость, Хлое прижалась губами к моему рту, и я на целый час исчез из этого мира. Хлое замечала, конечно, неловкость неофита, но не показывала виду и предвосхищала каждое мое движение, отправляя руки в путь по своему телу без

спешки и лишней скромности. В ее глазах не было ни отвращения, ни равнодушия, она позволяла ласкать себя и наслаждаться собой с бесконечным терпением и глубокой нежностью, отчего я совсем потерял голову. В ту ночь всего за один час я изучил каждый изгиб ее тела вдоль и поперек, как другие учат молитву или приговор. Позднее, когда я едва переводил дух, Хлое позволила мне склонить голову к ней на грудь и ласково перебирала мои волосы в наступившем молчании, пока я не заснул в сладких объятиях, положив руку меж ее бедер.

* * *

Когда я пробудился, комната была погружена в темноту, а Хлое уже ушла. Я больше не чувствовал близости ее тела. Зато у меня в руке лежала визитная карточка, напечатанная на светлом пергаменте, таком же как и конверт, в котором мне пришло анонимное приглашение. На визитке под эмблемой, изображавшей ангела, я прочитал:

Андреас Корелли
Книгоиздатель
Издательство «Люмьер»
Бульвар Сен-Жермен, 69. Париж

На обороте от руки было написано:

Любезный Давид, жизнь состоит из больших надежд.

Если Вы готовы сделать явью свои, свяжитесь со мной.
Я буду ждать.

Ваш друг и преданный читатель, А.К.

Я поднял с пола свои вещи и оделся. Дверь комнаты была открыта. Я вернулся по коридору в гостиную, где находился умолкнувший граммофон. И никаких следов присутствия девочки или седовласой женщины, принимавшей меня. Стояла мертвая тишина. У меня возникла иллюзия, что по мере того, как я продвигался к выходу, свет у меня за спиной медленно угасал и комнаты и коридоры постепенно погружались в темноту. Я вышел на лестничную площадку и спустился по ступеням, возвращаясь в реальный мир – признаться, неохотно. Очутившись на улице, я направился в сторону бульвара Рамбла, оставив позади шумное сборище заведомо вечных заведений. Легкий теплый туман стелился от порога, и свет, падавший из высоких окон гостиницы «Ориенте», окрашивал его в грязно-желтый, словно измазанный пылью, цвет. Прохожие растворялись в желтоватом мареве, как облака пара. Я ускорил шаг, аромат духов Хлоэ потихоньку выветривался из моей памяти, и я спрашивал себя, неужели губы Кристины Сагниер, дочери шофера Видала, такие же сладкие на вкус?

Человек не ведает жажды, пока не сделает первый глоток прохладной воды. Не прошло и трех дней после моего визита в «Грезу», но от одного воспоминания о коже Хлое меня обдавало жаром. Никому не сказав ни слова (особенно Видалю), я решил собрать свои скромные сбережения и пойти туда вечером в надежде, что денег хватит, чтобы заплатить хотя бы за один миг в ее объятиях. Минула полночь, когда я достиг подножия лестницы в колодце красных стен, что вела в «Грезу». Свет на лестнице не горел, и я поднимался медленно, оставив позади жизнь, бывшую ключом в кабаре, барах, мюзик-холлах и прочих увеселительных заведениях разного толка, которые во множестве расплодились во время войны в Европе, образовав на улице Ноу де ла Рамбла целый городок. В рассеянном свете, просачивавшемся сквозь входную дверь, смутно угадывались ступени. Поднявшись на лестничную площадку, я на ощупь принялся искать молоток. Под руку мне попала массивная металлическая ручка, я дернул за нее, створка вдруг подалась, и я сообразил, что дверь не заперта. Я осторожно толкнул ее. Лица коснулось дыхание тишины. Передо мной клубились голубоватые сумерки. Я растерянно вошел. Отраженное мигание уличных огней всполохами высвечивало голые стены и выщербленный деревянный пол. Я ступил в гостиную, как мне помни-

лось, богато убранную бархатом и обставленную роскошной мебелью. Комната была совершенно пустой. Толстый слой пыли на полу поблескивал, точно песок, в бликах светящихся вывесок за окном. Я пошел дальше, оставляя цепочку следов в пыли, но не обнаружил ни граммофона, ни кресел, ни картин. Потолок потрескался, и сквозь прорехи виднелись почерневшие деревянные стропила. Краска на стенах облупилась и висела клочьями, словно змеиная кожа. Я проник в коридор, который вел в спальню, где третьего дня меня ждала Хлое. Преодолев тоннель, заполненный мраком, я добрался до двустворчатой двери, которая больше не была белой. Дверной ручки на месте не оказалось, вместо нее зияла дыра, словно ручку выдрали мощным рывком. Я отворил двери и шагнул в комнату.

Спальня Хлое предстала передо мной обителью черноты. Стены обуглились, и большая часть потолка обвалилась. Я видел даже полотно стелющихся по небу облаков и луну, заливавшую серебристым сиянием металлический остов кровати. И в тот момент я услышал, как закрипели половицы у меня за спиной, и понял, что нахожусь в помещении не один. В устье коридора вырисовывался темный силуэт художавого мужчины. Я не мог разглядеть его лица, но преисполнился уверенности, что он внимательно наблюдает за мной. Он выжидательно застыл на пороге, точно притаившийся паук. Мне потребовалось всего несколько секунд, чтобы отреагировать. Я шагнул к нему, и силуэт моментально отсту-

пил, слившись с тенью. Когда я ворвался в гостиную, там уже никого не было. Сноп света от сиявшей электрическими огнями вывески на противоположной стороне улицы на мгновение осветил зал и кучку мусора, сваленную у стены. Я приблизился и опустился на колени перед грудой вещей, попорченных огнем. Среди обгорелых обломков виднелось нечто странное: человеческие пальцы. Я разгреб покрывавший их пепел. Постепенно обозначились очертания руки. Я осторожно вытащил ее и обнаружил, что кисть обрублена на высоте запястья. Я тотчас узнал ее и понял, что рука девочки, показавшаяся мне тогда деревянной, на самом деле сделана из фарфора. Я бросил ее в кучу обугленного хлама и ринулся прочь.

Я спрашивал себя, уж не почудился ли мне тот незнакомец, ибо в пыли не осталось его следов. Снова оказавшись на улице, я в полном смятении задержался у подножия здания. Стоя на мостовой, я принялся напряженно вглядываться в окна первого этажа. Смеющиеся люди проходили рядом, за стеклом, не подозревая о моем присутствии. Я попытался рассмотреть в толпе фигуру незнакомца, нисколько не сомневаясь, что он там, возможно, в двух шагах от меня и по-прежнему наблюдает за мной. Через некоторое время я пересек улицу и зашел в тесное кафе, забитое под завязку посетителями. Кое-как протиснувшись к стойке, я сделал знак официанту.

– Что желаете?

Во рту у меня было сухо, как в пустыне.

– Пиво, – сымпровизировал я.

Пока официант наливал мне выпивку, я спросил, подавшись вперед:

– Послушайте, вы, случайно, не знаете, местечко тут напротив, «Греза», оно закрыто?

Официант поставил на стойку полный стакан и посмотрел на меня как на идиота.

– Оно закрылось уже лет пятнадцать назад, – ответил он.

– Вы уверены?

– Конечно. После пожара оно больше не открывалось. Закажете еще что-нибудь?

Я покачал головой.

– С вас четыре сентима.

Я оплатил заказ и вышел из кафе, не притронувшись к своему напитку.

На следующий день я пришел в редакцию газеты до начала рабочего дня и направился прямиком в архив, располагавшийся в подвале. Воспользовавшись помощью Матиаса, служащего архива, и руководствуясь сведениями, которые мне сообщил официант, я начал просматривать заголовки выпусков «Голоса индустрии» пятнадцатилетней давности. Я потратил минут сорок на поиски нужной статьи. Фактически это была коротенькая заметка. Пожар произошел на рассвете дня праздника Тела Господня в 1903 году. В огненной ловушке погибло шесть человек: клиент, четыре девушки

из постоянного штата и девочка-прислуга. Причиной трагедии полиция и пожарные называли неисправную керосиновую лампу, хотя попечительский совет ближайшего прихода посчитал определяющими факторами божественную кару и вмешательство Святого Духа.

Возвратившись в пансион, я лег на кровать в своей комнате и тщетно попытался забыться сном. Из кошелька я достал визитную карточку анонимного благодетеля, ту, которую сжимал в руке, пробудившись в постели Хлое, и перечитал в темноте слова, написанные на обороте: «Большие надежды».

В мире, где я жил, надежды, большие или маленькие, редко становились реальностью. Еще несколько месяцев назад, отходя ко сну, я мог бы пожелать лишь одного: набраться однажды смелости и перемолвиться хотя бы словечком с Кристиной, дочерью шофера моего наставника. И я с нетерпением ждал рассвета, чтобы поскорее вернуться в редакцию «Голоса индустрии». Но теперь даже эта опора стала ускользать из-под ног. Может, если бы какое-то из моих начинаний с треском провалилось, то мне удалось бы вернуть расположение своих товарищей, говорил я себе. Может, если бы я написал нечто настолько бездарное и скучное, что ни один читатель не одолел бы больше одной страницы, мне простили бы грехи юности. И быть может, эта цена не была чересчур высокой за возможность снова почувствовать себя в редакции как дома. Быть может.

Впервые я пришел в «Голос индустрии» много лет назад за ручку с отцом, человеком измученным и неудачливым. Вернувшись с войны на Филиппинах¹¹, отец встретился ли-

¹¹ Речь идет об испано-американской войне 1898 г. США, стремившиеся к захвату последних испанских колоний в Тихоокеанском регионе, объявили войну Испании под предлогом борьбы с испанским колониальным гнетом. Война продолжилась три с половиной месяца, Испания была вынуждена капитулировать и по условиям Парижского мирного договора передала США Пуэрто-Рико, о. Гуам и

цом к лицу с городом, не желавшим его принимать, и женой, успевшей позабыть мужа и решившей уйти через два года после его возвращения. Бросив мужа, она оставила его с разбитым сердцем и с сыном на руках, которого он никогда не хотел и не знал, что с ним делать. Отец, с трудом умевший прочитать и написать собственное имя, не имел ни достойной профессии, ни определенных занятий. На войне он хорошо научился лишь убивать себе подобных, прежде чем они убьют его. Конечно, это делалось ради великих и возвышенных целей, казавшихся тем более вздорными и жалкими, чем ближе к эпицентру сражения находился человек.

Вернувшись с войны, отец выглядел лет на двадцать старше, чем когда уходил на фронт. Он пытался устроиться на работу на различные предприятия в районах Пуэбло-Нуэво и Сан-Марти, но на службе ему удавалось продержаться от силы несколько дней: рано или поздно он приходил домой, не смея поднять глаз от стыда. Через некоторое время, не имея иного выбора, он поступил на должность ночного сторожа в «Голос индустрии». Жалованье было скромным, однако шли месяцы, и впервые с момента его возвращения с войны появилась надежда, что больше он не станет искать на свою голову неприятностей. Однако передышка оказалась короткой. Фронтовые товарищи отца – живые трупы – вер-

(за 20 млн долларов) Филиппины. Куба, формально объявленная независимой, также оказалась под контролем Соединенных Штатов. Поражение в этой войне произвело тяжелое впечатление на испанское общество.

нулись с войны калеками, физическими и духовными, наверное, только для того, чтобы познать горькую истину: те, кто послал их умирать во имя Бога и отечества, теперь плевали им в лицо. Так вот, компания старых товарищей по оружию вовлекла отца в сомнительные дела, которые явно были ему не по плечу, чего он так и не сумел понять.

Довольно часто отец пропадал дня на два, а когда возвращался, его руки и одежда пахли порохом и в карманах завалялись деньги. Он тогда уходил к себе в комнату и, думая, будто я ничего не замечаю, колол себе дозу – большую или маленькую, в зависимости от того, сколько удалось достать. Сначала он не закрывал дверь, но однажды, поймав меня за подглядыванием, надавал оплеух, разбив мне губы. Потом он обнял меня и прижимал к себе, пока руки не ослабели и он не растянулся на полу. Иголка все еще была воткнута в тело. Я вытащил иглу и накрыл отца одеялом. После этого случая отец начал запирается на ключ.

Мы жили в маленькой мансарде, нависавшей над строительной площадкой, где велись работы по возведению нового Дворца каталонской музыки для хора «Каталонский Орфей»¹². Это был холодный и тесный угол, где ветер и сырость легко проникали сквозь стены, словно их сделали из бумаги. Я любил сидеть, свесив ноги, на маленьком балконе,

¹² Построен в 1905–1908 гг. архитектором Доменек-и-Мунтанеро является одним из шедевров испанской школы модернизма. В 1997 провозглашен ЮНЕСКО достоянием человечества.

проводил взглядом прохожих и смотрел на неровную грядку скульптур и невообразимых колонн, возвышавшуюся на противоположной стороне улицы. Мне казалось, одни стоят так близко, что стоит протянуть руку, и я смогу потрогать их пальцами, а другие (большинство) представлялись далекими, как луна. Я рос слабым и болезненным ребенком, подверженным лихорадкам и инфекциям. Болезни не раз доводили меня чуть ли не до края могилы, однако в последний момент, словно устыдившись, шли на попятную и отправлялись на поиски более достойной добычи. Когда я хворал, отец после двух бессонных ночей у постели больного в итоге терял терпение, поручал меня заботам какой-нибудь соседки и пропадал из дому на несколько дней. Со временем я начал подозревать, что он надеялся, вернувшись, узнать, что я умер. Это избавило бы его от необходимости возиться с ребенком, здоровьем хрупким, как сухой лист, который ему был совершенно ни к чему.

И мне не раз хотелось умереть, но отец всегда, возвратившись, находил меня живехоньким, виляющим хвостом и капельку подросшим. Мать-природа развлекалась со мной без ложной застенчивости, сверяясь со своим обширным карающим сводом первопричин и бедствий, однако ни разу не нашла повода применить ко мне высшую меру. Вопреки всем предсказаниям я выжил в ранние годы, удержавшись на слабо натянутой веревке детства в эпоху до изобретения пенициллина. Тогда еще смерть не искала анонимности, и ее мож-

но было увидеть и почуять повсюду, когда она собирала жатву душ, еще не успевших даже согрешить.

Уже в то время единственными моими друзьями были слова, выведенные пером на бумаге. В школе я научился читать и писать намного раньше, чем другие дети квартала. Там, где мои товарищи видели на странице лишённые смысла чернильные закорючки, я видел свет, улицы и людей. Слова и тайный их смысл завораживали меня. Они казались мне волшебным ключом, открывающим двери бескрайнего мира, простиравшегося за пределами моего дома, улицы и томительных дней, когда даже я интуитивно чувствовал, что мне уготована незавидная доля. Отца раздражали книги в доме. В них содержалось нечто, помимо букв, что, было выше его понимания, и это его задевало. Он не устал повторять, что как только мне исполнится десять, он пристроит меня на работу и мне лучше выбросить из головы пустые фантазии, иначе я ни в чем не преуспею и умру с голоду. Я прятал книги под матрасом и дожидался момента, когда он уйдет или заснет, чтобы почитать. Однажды он застал меня за чтением и страшно разозлился. Вырвав у меня из рук книгу, он вышвырнул ее в окно.

— Если еще раз увижу, как ты жжешь свет, читая эту чушь, тебе не поздоровится.

Отец не был скупым, и, хотя мы очень нуждались, когда мог, подбрасывал мне пару-другую монеток, чтобы я поку-

пал себе сладости, как другие дети квартала. Он не сомневался, что я их трачу на лакричные палочки, семечки или карамель, но я хранил деньги под кроватью в жестяной банке из-под кофе, и когда набиралось четыре или пять реалов, тайком от отца бежал покупать книжку.

Моим излюбленным местом в городе была книжная лавка «Семпере и сыновья» на улице Санта-Ана. То место, пахнувшее старыми бумагами и пылью, являлось моим храмом и убежищем. Хозяин лавки разрешал мне устроиться на стуле в уголке и читать в свое удовольствие любую книгу на выбор. Вручая мне томик, Семпере никогда не брал с меня денег, но перед уходом, улучив момент, когда он отворачивался, я обычно оставлял на прилавке горстку накопленных монеток. Конечно, это были жалкие гроши. Если бы мне пришлось действительно покупать книги на эту мелочь, я мог бы позволить себе только лист папиросной бумаги. Когда наступало время уходить, это стоило мне немалых нравственных и физических усилий, ибо ноги отказывались идти. Если бы от моего решения что-то зависело, я поселился бы в той лавке.

Как-то на Рождество Семпере преподнес самый лучший в моей жизни подарок: экземпляр старой книги, зачитанной до дыр.

– «Большие надежды» Чарльза Диккенса, – прочел я на обложке.

Мне было известно, что Семпере знаком с некоторыми писателями, постоянно посещавшими лавку. Заметив, как

бережно Семпере держит эту книгу, я вообразил, что дон Чарльз – один из них.

– Он ваш друг?

– Самый лучший. А отныне и твой тоже.

В тот вечер я принес нового друга домой, спрятав под одеждой, чтобы отец не увидел. Стояла дождливая осень и пасмурные дни, и я прочел «Большие надежды» девять раз подряд, во-первых, потому, что больше мне нечего было читать, а во-вторых, потому, что книга оказалась замечательной, лучше я и представить не мог. Мне казалось, что дон Чарльз написал ее лично для меня. И вскоре я почувствовал твердую уверенность, что больше всего на свете хочу научиться делать то, что делал этот сеньор Диккенс.

Однажды под утро мой сон был внезапно прерван: меня грубо растолкал отец, вернувшийся с работы раньше обычного. Его глаза налились кровью, а дыхание отдавало сильным запахом спиртного. Я с ужасом посмотрел на него. Отец потрогал электрическую лампу, висевшую на шнуре без абажура.

– Горячая.

Он злобно зыркнул на меня и с яростью запустил лампочкой в стену. Она взорвалась тысячью осколков, припорошив стеклянной пылью мое лицо, но я не осмеливался стряхнуть их.

– Где она? – спросил отец бесстрастным ледяным тоном. Я помотал головой, трепеща от страха.

– Где эта дерьмовая книга?

Я снова покачал головой. В темноте я смутно увидел, как он замахнулся. Я почувствовал, что вдруг ослеп, и упал с кровати. Рот заполнился кровью, из глаз посыпались искры от жгучей боли – губы и десны горели огнем. Повернув голову, я обнаружил на полу то, что было предположительно кусками выбитых зубов. Лапища отца сгребла меня за шиворот и подняла.

– Где она?

– Отец, пожалуйста...

Он со всей силы впечатал меня лицом в стену, и, ударившись головой, я потерял равновесие и рухнул, точно мешок костей. Я заполз в угол и, затаившись и сжавшись в комок, наблюдал, как отец открывает шкаф и вываливает на пол мои скудные пожитки. Он перерыл ящики и баулы, книги не нашел, выдохся и возвратился ко мне. Я зажмурился и съежился у стены в ожидании очередного удара, которого так и не последовало. Открыв глаза, я увидел, что отец сидит на кровати и плачет, задыхаясь от стыда. Заметив мой взгляд, он выбежал, кубарем скатившись по лестнице. Я слушал, как затихает эхо его шагов, гулко отдававшееся в предрассветном безмолвии. Убедившись, что он ушел далеко, я дотащился до кровати и вынул книгу из тайника под матрасом, оделся и с романом под мышкой выбрался на улицу. Улицу Санта-Ана заволокло густой вуалью тумана, когда я остановился у порога книжной лавки. Хозяин с сыном жили на втором этаже

в том же доме. Я осознавал, что шесть утра – совершенно неподходящее время для визитов, но в тот момент мною владела единственная мысль, что надо непременно спасти драгоценную книгу. Ибо я не сомневался, что если отец, вернувшись домой, найдет ее, то разорвет со всей яростью, бушевавшей в крови. Я позвонил в дверь и подождал. Мне пришлось звонить еще два или три раза, прежде чем я услышал, как открывается дверь балкона, и старый Семпере, в халате и шлепанцах, показался в проеме и воззрился на меня в изумлении. Всего через полминуты он спустился вниз и открыл мне. Едва он увидел мое лицо, как последние признаки гнева испарились. Он опустился передо мной на колени и крепко взял за плечи.

– Боже мой! Как ты? Кто это сделал?

– Никто. Я упал.

Я протянул ему книгу.

– Я пришел вернуть ее потому, что не хочу, чтобы с ней что-то случилось...

Семпере посмотрел на меня, не проронив ни звука. Потом схватил меня в охапку и унес в дом. Его сын, мальчик двенадцати лет (настолько застенчивый, что я никогда не слышал его голоса), проснулся, услышав, как отец встал, и теперь ждал, стоя на верхней площадке лестницы. Заметив кровь у меня на лице, он испуганно посмотрел на отца.

– Вызови доктора Кампоса.

Сын Семпере кивнул и бросился к телефону. Я услышал,

как он говорит что-то в трубку, и убедился, что мальчик вообще не немой. Вдвоем они устроили меня в кресле в столовой и промыли раны, пока не пришел врач.

– Не хочешь сказать, кто это сделал?

Я молчал как рыба. Семпере не знал, где я живу, и я не собирался его просвещать в этом отношении.

– Это твой отец?

Я отвел взгляд.

– Нет. Я упал.

Доктор Кампос, живший в одном из соседних домов, явился через пять минут. Он осмотрел меня с ног до головы, ощупал ушибы и обработал порезы со всей возможной осторожностью. Он не сказал ни слова, но глаза его сверкали от гнева.

– Переломов нет, но есть несколько серьезных ушибов, они поболят пару дней. Эти два зуба придется удалить, от них мало что осталось, и может начаться воспаление.

После ухода доктора Семпере приготовил мне чашку теплого молока с какао и с улыбкой наблюдал, как я пью.

– И все это ради того, чтобы спасти «Большие надежды», а?

Я пожал плечами. Отец и сын понимающе переглянулись.

– В следующий раз, когда пожелаешь спасти книгу, спасай ее всерьез, а не рискуй жизнью. Одно слово – и я отведу тебя в тайное место, где книги обретают бессмертие и никто не в состоянии их уничтожить.

Я заинтриговано смотрел на отца и сына.

– И что это за место?

Семпере подмигнул мне и улыбнулся загадочной улыбкой, словно позаимствованной со страниц романов донна Александра Дюма и являвшейся, по слухам, фирменным товарным знаком плодовитого семейства.

– Всему свое время, друг мой. Всему свое время.

* * *

Целую неделю отец не смел поднять глаз, терзаясь раскаянием. Он купил новую лампочку и пришел сказать, что если я захочу включить ее, то могу это сделать, только ненадолго, так как электричество очень дорого. Я предпочел не играть с огнем. В субботу отец захотел купить мне книгу и в первый и последний раз в своей жизни переступил порог книжного магазина. Он находился на улице Де-ла-Палья, что напротив старой римской стены. Однако отец не мог разобрать ни одного названия на корешках сотен книг, заполнявших стеллажи, и потому вышел оттуда с пустыми руками. Потом он дал мне денег, больше обычного, и разрешил купить все, что я пожелаю. Момент показался мне подходящим, чтобы завести разговор на тему, к которой я не знал, как подступиться.

– Донья Мариана, учительница, просила передать вам, чтобы вы как-нибудь пришли в школу побеседовать с ней, – проямлил я.

– Побеседовать о чем? Ты что-то натворил?

– Ничего, отец. Донья Мариана хотела с вами поговорить о моем будущем образовании. Она считает, что у меня есть способности, и надеется, что сумеет помочь получить стипендию, чтобы поступить в монастырский колледж...

– Что о себе воображает эта женщина? Зачем она забивает тебе голову всякой чепухой и внушает, что нужно поступать в школу для барчуков? Ты знаешь, что там за публика? Знаешь, как на тебя посмотрят, и как к тебе будут относиться, едва узнают, кто ты и откуда?

Я потупился.

– Донья Мариана лишь хотела помочь, отец. И только. Не сердитесь. Я скажу ей, что это невозможно, и все.

Отец в бешенстве уставился на меня, но сдержался и, закрыв глаза, несколько раз глубоко вдохнул, прежде чем заговорить снова.

– Мы выкарабкаемся, ясно? Ты и я. И обойдемся без милостыни всяких ублюдков. С высоко поднятой головой.

– Да, отец.

Отец взял меня за плечо и посмотрел так, словно в то мгновение, одно короткое мгновение, которое больше не повторится, он гордился мной. Гордился, пусть мы были такими разными, и я любил книги, которые он не мог прочитать, и так уж получилось, что мать бросила нас, и мы остались вдвоем, один на один. На секунду я поверил, что мой отец – самый добрый человек в мире, и было бы справедливо, если

бы жизнь хотя бы раз соизволила сдать ему хорошую карту.

– То зло, которое человек совершает в своей жизни, возвращается, Давид. А я сделал много зла. Очень много. Но я расплатился сполна. И наша судьба изменится к лучшему. Вот увидишь. Честное слово...

Невзирая на упорство доньи Марианы, весьма сметливой и быстро сообразившей, откуда ветер дует, я больше никогда не обсуждал с отцом проблему моего образования. Когда учительница поняла, что ситуация безнадежна, она пообещала после уроков один час заниматься со мной персонально, рассказывая о литературе, истории и прочих вещах, которые пугали отца.

– Пусть это будет нашим секретом, – сказала учительница.

К тому моменту я начал догадываться, что отец стыдился, что его считают невеждой, жалким обломком войны. Как все войны, она велась во имя Бога и отечества, чтобы люди, обладавшие безмерным могуществом до ее начала, стали еще могущественнее после. В то время я уже ходил изредка с отцом на ночные дежурства. Мы вместе садились на трамвай на улице Трафальгар, и он подвозил нас прямо к воротам кладбища. Я сидел в привратничкой, читал старые номера газеты и пытался вовлечь отца в беседу, что было очень трудной задачей. Отец вообще не любил рассказывать ни о войне в колониях, ни о предавшей его женщине. Однажды я спросил, почему мать нас бросила. Я подозревал, что это произошло по моей вине: наверное, я сделал что-то нехоро-

шее, хотя едва успел родиться.

– Твоя мать ушла еще до того, как меня отправили на фронт. И я был глупцом. Я ведь не понимал этого, пока не вернулся. Такова жизнь, Давид. Рано или поздно мы теряем всех и вся.

– Я всегда буду с вами, отец.

Мне почудилось, что он вот-вот расплачется, и обнял его, чтобы не видеть выражение его лица.

На следующий день, не предупредив заранее, отец привел меня к «Эль Индио», большому магазину тканей на улице Кармен. Мы не стали заходить внутрь, но сквозь стеклянную витрину он указал на молодую улыбающуюся женщину, которая обслуживала покупателей, показывая им дорогие сукна и трикотаж.

– Вот твоя мать, – сказал он. – Как-нибудь я вернусь сюда и убью ее.

– Не говорите так, отец.

Он посмотрел на меня покрасневшими глазами, и я понял, что он все еще любит бывшую жену, а я никогда ее за это не прощу. Она нас не замечала. Я украдкой следил за ней, смутно узнавая по фотографии, которую отец хранил дома в ящике вместе с армейским револьвером. Он доставал оружие каждый вечер, когда думал, будто я сплю, и смотрел на него так, словно он содержал ответы на все вопросы, по крайней мере на самые важные.

В течение многих лет я буду приходить к дверям этого магазина, чтобы тайком понаблюдать за ней. У меня так и не хватило смелости войти в магазин или заговорить с ней, когда мать покидала его и спешила вниз по бульвару Рамбла, навстречу жизни, мною для нее придуманной, где была счастливая семья и сын, который заслуживал ее любовь и прикосновение ласковых рук больше меня. Отец даже не подозревал, что я порой ускользал, чтобы увидеть мать. Случалось, я шел за ней следом, с трудом преодолевая искушение взять ее за руку и пойти рядом. В последний момент я всегда убегал. В моем мире большие надежды оживали лишь на страницах книг.

Отец не дождался удачи, на которую уповал всем сердцем. Судьба расщедрилась лишь на один подарок: ожидание надолго не затянулось. Однажды вечером, едва мы приблизились к дверям издательства, чтобы заступить на ночное дежурство, из тени выступили три бандита – наемные убийцы – и на моих глазах изрешетили отца пулями. Я помню запах серы и клубящийся дымок, поднимающийся от дырок, прожженных выстрелами у него в животе. Один из бандитов хотел добить отца выстрелом в голову, но я распластался поверх его тела, и второй удержал друга. Я помню, как бандит, глядя мне в глаза, раздумывал, не прикончить ли и меня тоже. Бесшумно ступая, они растворились так же внезапно, как и появились, в переулках, петлявших между фабриками

Пуэбло-Нуэво.

В тот вечер убийцы бросили отца истекать кровью у меня на руках, а я остался на свете один как перст. Почти две недели я спал в типографских мастерских издательства. Я прятался за линотипамы – наборными машинами, казавшимися гигантскими стальными пауками, – стараясь не обращать внимания на сводящий с ума ритмичный грохот, сверливший по ночам барабанные перепонки. Когда меня обнаружили, мои руки и одежда были по-прежнему покрыты пятнами засохшей крови. Сначала никто ничего обо мне не знал, поскольку с неделю я молчал, а заговорив, начал выкрикивать имя отца и кричал, пока не потерял голос. Меня спросили, где моя мать, и я ответил, что она умерла и у меня нет никого на всем белом свете. Моя история достигла ушей Педро Видаля, звезды газеты и близкого друга издателя. Тот по настоянию доня Педро распорядился взять меня посыльным и дал разрешение жить в скромной комнатенке привратника в подвальном помещении вплоть до новых указаний.

В те времена кровь и насилие на улицах Барселоны становились обычным делом. То были смутные дни: на улицах Раваля бросали листовки и бомбы, разрывавшие тело на трепещущие дымящиеся куски; шайки темных личностей снова-таки в ночи, проливая кровь; организовывались шествия святых и демонстрации генералов, от которых разило смертью и обманом; произносились подстрекательские речи, где каждый лгал и каждый был прав. В отравленном воздухе уже ви-

тал терпкий привкус ярости и ненависти, которые всего через несколько лет толкнул людей убивать друг друга во имя звучных лозунгов и цветных тряпочек. Марево от фабрик бесконечной змеей вползало в город, заволакивая мощные улицы, которые бороздили трамваи и экипажи. Ночь была во власти газовых фонарей и темноты переулков, нарушаемой вспышками выстрелов и голубоватыми полосами дыма от сгоревшего пороха. В те годы выросли быстро, детство утекало сквозь пальцы, и многие дети смотрели на мир глазами стариков.

У меня не осталось другой семьи, кроме этой мрачной Барселоны, и потому газета сделалась для меня тихой гаванью и вмещала всю Вселенную вплоть до четырнадцати лет, когда жалованье позволило мне нанять комнату в пансионе доньи Кармен. Я прожил на новом месте меньше недели, как вдруг хозяйка заглянула ко мне и оповестила, что меня спрашивает какой-то кабальеро. На лестничной площадке я встретил незнакомого человека, одетого в серое, с серым взглядом и серым голосом. Он спросил, не я ли Давид Мартин, и, не дожидаясь подтверждения, протянул посылку, упакованную в оберточную бумагу. Потом он быстро спустился по лестнице и скрылся из виду, освободив мир, отмеченный нуждой и лишениями, частью которого я был, от тлетворного присутствия серости. Я принес посылку в комнату и запер дверь. Никто, кроме двух-трех человек в редакции,

не знал, где я живу. Заинтригованный, я развернул обертку. Это была первая в моей жизни посылка. В бумаге оказалась деревянная шкатулка, показавшаяся мне смутно знакомой. Я поставил ее на кровать и открыл. В шкатулке лежал старый револьвер отца – оружие, выданное ему в армии, с которым он вернулся с Филиппин, чтобы заработать безвременную и жалкую смерть. К револьверу прилагалась картонная коробочка с пулями. Я взял револьвер и почувствовал его солидную тяжесть. От оружия пахло порохом и маслом. Мне стало интересно, сколько же человек отец убил из этого ствола. С его помощью он, несомненно, намеревался свести счеты и с собственной жизнью, только его опередили. Я возвратил револьвер в шкатулку и опустил крышку. Первым моим порывом было выбросить ее в помойку, но я не забывал, что револьвер был единственной вещью, оставшейся у меня от отца. Я рассудил, что дежурный судебный пристав, конфисковавший после смерти отца в уплату за долги наше скудное имущество на старой мансарде, нависавшей прямо над черепичной крышей Дворца каталонской музыки, теперь решил передать мне это мрачное наследство в честь моего совершеннолетия. Я спрятал шкатулку на шкафу, задвинув ее к стене, где всегда собиралась грязь и куда донья Кармен не добралась бы, даже встав на ходули. К своему наследству я вновь прикоснулся только спустя много лет.

В тот же самый день я вернулся в книжную лавку «Семпере и сыновья». Чувствуя себя уже полноценным членом

общества, обладающим определенными средствами, я объявил букинисту о своем желании приобрести тот старый экземпляр «Больших надежд», который был вынужден отдать ему обратно много лет назад.

– Назовите любую цену, – попросил я. – Возьмите с меня цену всех книг, за которые я вам не заплатил за последние десять лет.

Я помню, как Семпере печально улыбнулся и положил мне руку на плечо.

– Я продал ее сегодня утром, – признался он удрученно.

Ровно через триста шестьдесят пять дней после того, как был написан мой первый рассказ для газеты «Голос индустрии», я пришел в издательство, как обычно, и обнаружил, что редакция почти опустела. Задержалась только горстка журналистов. Не так уж давно эти самые люди обращались со мной дружелюбно, старались ободрить и награждали ласковыми прозвищами. В тот день, увидев меня, они проигнорировали мое приветствие и увлеченно принялись перешептываться. Не прошло и минуты, как компания расхватала пальто и испарилась, словно торопилась унести ноги от прокаженного, дабы не подхватить заразу. Я остался сидеть один в необъятном зале, созерцая непривычное зрелище – десятки пустых столов. Неторопливые тяжелые шаги за спиной возвестили о приближении дона Басилио.

– Добрый вечер, дон Басилио. Что здесь сегодня происходит? Почему все ушли?

Дон Басилио грустно посмотрел на меня и уселся за соседний стол.

– Сегодня дают рождественский ужин в «Семи вратах» для всех сотрудников редакции, – негромко пояснил он. – Полагаю, вам ничего не сказали.

Я изобразил беспечную улыбку и развел руками.

– А вы не идете? – спросил я.

Дон Басилио покачал головой.

– У меня отбили всякое желание.

Мы молча переглянулись.

– А если я вас приглашу? – предложил я. – Куда хотите.

В «Кан Соле», если угодно. Вы и я, чтобы отметить успех «Тайн Барселоны».

Дон Басилио улыбнулся, слегка наклонив голову.

– Мартин, – промолвил он наконец, – я не знаю, как вам это сказать.

– Сказать что?

Дон Басилио кашлянул.

– Я больше не в состоянии публиковать цикл «Тайны Барселоны».

Я смотрел на него, не понимая, к чему он клонит. Дон Басилио старательно избегал моего взгляда.

– Вы хотите, чтобы я написал что-то другое? Что-нибудь в стиле Гальдоса?

– Мартин, вы же знаете, каковы люди. Поступали жалобы. Я не собирался давать делу ход, но главный редактор – человек слабый, он не любит ненужных конфликтов.

– Я вас не понимаю, дон Басилио.

– Мартин, именно мне поручили сказать вам это.

Он наконец посмотрел мне в глаза и пожал плечами.

– Я уволен, – пробормотал я.

Дон Басилио кивнул.

Я почувствовал, что глаза помимо воли наполняются сле-

зами.

– В данный момент вам это кажется концом света, но, поверьте моим словам, в сущности, это наилучший выход. Вам тут не место.

– А где мне место? – спросил я.

– Мне жаль, Мартин. Честное слово, мне очень жаль.

Дон Базилио привстал и сердечно потрепал меня по плечу.

– С Рождеством, Мартин.

В тот же вечер я освободил свой стол и навсегда покинул место, которое заменяло мне родной дом, чтобы затеряться на темных и пустынных улицах города. По дороге в пансион я завернул к ресторану «Семь врат», располагавшемуся под арками галереи Шифре. Стоя на улице, я наблюдал через окно, как веселятся и пьют мои товарищи. Я хотел верить, что без меня они почувствуют себя счастливыми или по меньшей мере забудут, что не были и не будут счастливы никогда.

До конца недели я безвольно плыл по течению, целыми днями пропадая в библиотеке Атенея. Я надеялся, вернувшись в пансион, найти послание от главного редактора с просьбой вернуться в штат газеты. Устроившись в укромном уголке одного из читальных залов, я доставал визитную карточку, которую сжимал в руке, проснувшись поутру в «Грезе», и начинал составлять письмо Андреасу Корелли, своему неизвестному благодетелю, но потом всегда рвал его на мел-

кие кусочки и предпринимал новую попытку на следующий день. Через неделю мне надоело жалеть себя, и я решил совершить неизбежное паломничество к порогу моего создателя.

Я сел на поезд линии «Саррия» на улице Пелайо. Тогда поезда еще ходили по поверхности земли, и, усевшись впереди вагона, я имел возможность разглядывать город и улицы, становившиеся все более широкими и величественными по мере удаления от центра. Я вышел на платформе «Саррия», а затем сел на трамвай, высадивший меня у ворот монастыря в Педральбес. День стоял удивительно теплый для зимы, и легкий ветерок доносил запах сосен и дрока, пятнами разбросанного по горным утесам. Я направил стопы к началу бульвара Пеарсон, который уже начал потихоньку урбанизироваться, и вскоре передо мной замаячил характерный силуэт виллы «Гелиос». Я приближался к дому, поднимаясь по склону, и сумел разглядеть Видаля: он сидел у окна башни в одной рубашке, наслаждаясь папиросой. Слышалась музыка, свободно лившаяся в пространстве, и я вспомнил, что Видаля был одним из немногих счастливицов, обладавших радиоприемником. Какой радужной, должно быть, казалась жизнь оттуда, сверху, и как мало хорошего видел в ней я.

Я помахал Видалю рукой, и он ответил на приветствие. Во дворе особняка я встретил Мануэля, шофера. Он направлялся к гаражу с кипой суконок и ведром горячей воды.

– Приятно видеть вас здесь, Давид, – сказал он. – Как идут

дела? По-прежнему успешно?

– Стараемся по мере сил, – отвечал я уклончиво.

– Не скромничайте. Даже моя дочь читает приключенческие истории, которые вы публикуете в газете.

Я поперхнулся, изумленный, что шоферская дочка не только знает о моем существовании, но и почтила вниманием ту чепуху, которую я писал.

– Кристина?

– Дочь у меня одна, – ответил дон Мануэль. – Сеньор наверху, в кабинете, если вам угодно подняться.

Я кивнул с благодарностью и прошмыгнул в дом. Я поднялся в башню, возвышавшуюся над мелкой рябью цветной черепицы на плоской крыше. В башне я застал Видаля. Он расположился в кабинете, откуда открывался вид на город и морской берег вдаль. Видаль выключил радио – устройство размером с небольшой метеорит. Приемник он купил несколько месяцев назад, когда объявили о начале вещания «Радио Барселоны» из студии, спрятанной под куполом отеля «Колумб».

– Аппарат стоил мне почти двести песет, а теперь выясняется, что транслируют одни глупости.

Мы сели в кресла друг напротив друга. Окна были открыты навстречу всем воздушным потокам, которые для меня, обитателя старого и сумрачного города, веяли ароматом иного мира. Стояла дивная тишина, как в раю. Можно было услышать, как вьются в саду насекомые и трепещут листья

на ветру.

– Кажется, будто лето в разгаре, – отважился заговорить я.

– Нет смысла притворяться, рассуждая о погоде. Мне уже сказали, что произошло, – заметил Видаль.

Я пожал плечами и украдкой покосился на его письменный стол. Я знал, что мой ментор уже много месяцев, если не лет, пытался написать то, что он сам называл «серьезным» романом, не имеющим ничего общего с легковесными по замыслу и интриге криминальными рассказами, чтобы увековечить свое имя в наиболее почтенных разделах библиотек. Рукопись на столе была не особенно толстой.

– Как продвигается труд всей жизни?

Видаль выбросил окурок в окно и устремил взгляд вдаль.

– Мне пока нечего сказать, Давид.

– Вздор.

– Все в нашей жизни вздор. Речь идет о перспективе.

– Вам следует вставить это в свою книгу. «Нигилист на холме». Удача гарантирована.

– Удача прежде всего понадобится именно тебе, иначе, если не ошибаюсь, придется попоститься.

– Я в любой момент смогу попросить у вас милостыню. Все когда-нибудь происходит в первый раз.

– Сейчас тебе кажется, что наступил конец света, но...

– ...вскоре я осознаю, что это лучшее, что могло со мной случиться, – закончил я за него. – Знакомая песня. Неужели теперь дон Базилио пишет для вас речи?

Видаль рассмеялся.

– Что ты думаешь делать? – спросил он.

– Вам не нужен секретарь?

– У меня уже есть самая лучшая секретарша, о какой я только мог мечтать. Она умнее меня, бесконечно трудолюбивее, и когда она улыбается, даже мне кажется, что у этого скотского мира есть будущее.

– И кто эта волшебница?

– Дочь Мануэля.

– Кристина.

– Наконец я услышал, как ты произносишь вслух ее имя.

– Вы выбрали неудачный день, чтобы подшучивать надо мной, дон Педро.

– Нечего смотреть на меня с видом жертвенной овцы. Думаешь, Педро Видаль будет спокойно сидеть сложа руки, когда свора мелочных и завистливых бездарей вышвыривает тебя на улицу?

– Одно ваше слово, и главный редактор, несомненно, изменил бы решение.

– Знаю. Поэтому я сам навел его на мысль тебя уволить, – сказал Видаль.

Я почувствовал себя так, словно получил пощечину.

– Большое спасибо за содействие, – съязвил я.

– Я предложил ему уволить тебя потому, что приготовил кое-что получше.

– Нищету?

– Маловерный. Только вчера я говорил о тебе с двумя за-
кадычными приятелями. Они недавно открыли на пару но-
вое издательство и рыщут в поисках свежей крови, чтобы
пить ее и наживаться на ней.

– Звучит заманчиво.

– Они уже имеют представление о «Тайнах Барселоны»
и готовы выступить с предложением, которое сделает тебя
человеком фактически и по существу.

– Вы серьезно?

– Разумеется, серьезно. Они хотят, чтобы ты написал для
них серию романов в самой готической, кровавой и гротеск-
ной манере *grand guignol*, обставив «Тайны Барселоны» по
всем статьям. Полагаю, это твой шанс. Я пообещал, что ты
встретишься с ними и сможешь приступить к работе немед-
ленно.

Я глубоко вздохнул. Видадь подмигнул и обнял меня.

Вот так, незадолго до дня своего двадцатилетия, я получил и принял предложение писать под псевдонимом Игнатius Б. Самсон романы, цена которым была грош в базарный день. Контракт обязывал меня каждый месяц выдавать на-гора рукопись в двести машинописных страниц, напичканных всеми положенными атрибутами такого рода беллетристики: интригами, убийствами в высшем свете, бесчисленными ужасами – для создания мрачного фона, внебрачными любовными связями между обладателями гранитной челюсти и дамочками с нескромными желаниями, а также запутанными семейными сагами с подоплекой более грязной и мутной, чем акватория порта.

Серию, которую я нарек «Город проклятых», планировалось издавать ежемесячно отдельными томиками в картонном переплете с красочной картинкой на обложке. Взамен мне причиталось столько денег, сколько я никогда не надеялся заработать достойным путем. И мне не грозила цензура, помимо навязанной читательским интересом, который мне полагалось возбудить. По условиям договора я был вынужден писать, скрываясь в безвестности под чудным псевдонимом. Правда, в тот момент это казалось мне ничтожно малой ценой за возможность зарабатывать на жизнь тем, к чему я всегда стремился. Я поступился тщеславным удовольствием

увидеть собственное имя, напечатанное крупными буквами на обложке моего произведения, но остался верен себе и своим принципам.

Моими издателями выступала парочка колоритных персонажей по имени Барридо и Эскобильяс. Мозгом предприятия был Барридо, маленький, пухлый человечек, вечно лущившийся масленой, загадочной улыбкой. Он происходил из среды колбасных промышленников. За всю жизнь Барридо, верно, прочел не больше трех книг, включая катехизис и телефонный справочник, однако обладал пресловутой наглостью, чтобы сочинять бухгалтерские книги, и вводил в заблуждение контрагентов шеренгами гладко причесанных цифр, взятых с потолка. По части фантазии он не уступал своим авторам, один другого изобретательнее, кого фирма, как и предсказывал Видаль, надувала, высасывала до капли и выбрасывала на улицу, как только ветер начинал дуть в другую сторону, а такой момент наступал обязательно, рано или поздно.

Эскобильяс играл роль второго плана. Высокий, сухоощавый, он своим обликом внушал смутную угрозу. Он разбогател на торговле похоронными принадлежностями. Сколько бы он ни обливался одеколоном, смывая пятно позора, сквозь вязкий запах туалетной воды, казалось, по-прежнему тянет душком формалина, отчего волосы на затылке вставали дыбом. Эскобильяс осуществлял функции злого надсмотрщика с плеткой в руках и делал грязную работу, по-

скольку Барридо, более добродушный и менее крепкий, для этого не годился. Последней в их дружной компании *menage-a-trois*¹³ была секретарша правления Эрминия, следовавшая за начальством по пятам, как верная собака. Ее прозвали Отравой потому, что, несмотря на вид дохлого москита, она заслуживала доверия не больше, чем гремучая змея в брачный период.

Отбросив сантименты, я старался встречаться с шефами как можно меньше. Отношения у нас сложились чисто деловые, и ни одна из сторон не горела желанием изменить установившийся порядок вещей. Я был полон решимости использовать на полную катушку подвернувшийся шанс и трудился на совесть. Я стремился доказать Видалю и самому себе, что в поте лица заработал право на его помощь и доверие. Как только у меня появились свободные деньги, я решил распрощаться с пансионом доньи Кармен и поискать более удобное пристанище. Я уже давно положил глаз на солидный дом монументальной архитектуры под номером тридцать на улице Флассадерс, в нескольких шагах от бульвара Борн. Много лет я проходил мимо этого дома, когда направлялся в издательство или возвращался в пансион с работы. Особняк венчала массивная башня, выраставшая из фасада, украшенного резными каменными рельефами и горгульями. Год за годом он стоял запертый, на воротах висели цепи и замки, изъеденные ржавчиной. Несмотря на мрачный и пре-

¹³ Букв.: хозяйство втроем (*фр.*). Обычно речь идет о любовных отношениях.

тенциозный вид строения, а возможно, именно по этой причине, идея поселиться в доме с башней пробуждала во мне вихрь смелых фантазий. В иных обстоятельствах я охотно согласился бы, что такой дом намного превышает возможности моего скудного бюджета. Но он слишком долго оставался заброшенным и забытым, будто над ним тяготело проклятие, поэтому я тешил себя надеждой, что владельцы примут мое скромное предложение, раз других претендентов не нашлось.

Поспрашивав в округе, я выяснил, что в доме никто не живет уже очень давно и данная собственность находится в ведении агента по недвижимости по имени Висенс Клавей. Его контора располагалась на улице Комерсио напротив рынка. Клавей оказался сеньором старой закалки и предпочитал одеваться в стиле алькальдов и отцов отечества, скульптурные изображения которых красовались у входов в парк Сюададела. Стоило немного ослабить бдительность, как он пускался в рассуждения, забираясь в такие дебри риторики, что хоть святых выноси.

– Значит, вы писатель. А знаете, я мог бы порассказать вам столько историй, что вам хватило бы их на добрый десяток книг.

– Не сомневаюсь. Почему бы не начать с истории дома номер тридцать по улице Флассадерс?

Лицо Клавей обрело сходство с греческой маской.

– Дом с башней?

– Он самый.

– Поверьте, юноша, вы не захотите там жить.

– Почему же?

Клаве понизил голос и шепотом, словно боялся, что у стен есть уши, вынес вердикт похоронным тоном:

– Дом приносит несчастье. Я был в нем, когда мы приходили с нотариусом опечатавать его, и клянусь, в старой части кладбища Монтжуик намного веселее. С тех пор дом пустует. Это место хранит скверные воспоминания. Никто не хочет туда ехать.

– Те воспоминания не могут быть хуже моих, и, уверен, они помогут снизить цену, которую за него запрашивают.

– Бывают иногда счета, которых не оплатишь деньгами.

– Можно взглянуть на дом?

Впервые я переступил порог дома с башней мартовским утром в компании управляющего, его секретаря и финансового инспектора из банка, выступавшего на правах собственника. Похоже, особняк на много лет глубоко увяз в тенетах юридической тяжбы, пока наконец не был передан банку в качестве долга по кредитному обязательству последнего владельца. Если Клаве не лгал, лет двадцать ни одна живая душа не переступала порога этого дома.

Годы спустя, прочитав хроники открытия египетских пирамид с красочными рассказами британских ученых о том, как они углублялись во тьму тысячелетних погребений с запутанными лабиринтами и наложенными проклятиями, я поневоле вспомнил свое первое посещение дома с башней на улице Флассадерс. Секретарь заранее запасся масляным фонарем, поскольку электричество в дом провести никто не удосужился. Инспектор принес набор из пятнадцати ключей, чтобы отпереть больше дюжины замков, надежно скреплявших цепи. Когда открыли портал, из дома пахло склепом – тленом и сыростью. Инспектор закашлялся, а управляющий, сохранявший на лице выражение крайнего скепсиса и неодобрения, прижал к губам носовой платок.

– Вы первый, – пригласил он.

Вестибюль представлял собой нечто вроде внутреннего дворика на манер старинных дворцов в наших краях, вымощенный широкими плитами и с каменной парадной лестницей, ведущей к главному входу в жилище. Стеклопанель крыша, сплошь заплеванная голубями и чайками, тускло поблескивала над головой.

– Крыс нет, – сообщил я, очутившись в здании.

– Кое-кому не помешала бы толика хорошего вкуса и здравого смысла, – пробормотал управляющий за моей спиной.

Мы взошли по ступеням на лестничную площадку жилого этажа, где банковскому инспектору потребовалось минут десять, чтобы подобрать ключ к замку. Механизм поддался с жалобным стоном, прозвучавшим для меня как приветствие. Дверь отворилась, и за ней открылся бесконечно длинный коридор, где клочьями висела паутина, колыхавшаяся в темноте.

– Боже мой, – прошептал управляющий.

Никто не осмеливался сделать первый шаг, так что мне снова пришлось возглавить экспедицию. Секретарь, подняв фонарь повыше, озирался по сторонам с горестным видом.

Инспектор и управляющий таинственно переглянулись. Заметив, что я наблюдаю за ними, банкир безмятежно улыбнулся.

– Если избавиться от пыли и немного подновить – это будет настоящий замок, – сказал он.

– Замок Синей Бороды, – добавил управляющий.

– Давайте не терять оптимизма, – ринулся спасти положение инспектор. – В доме некоторое время никто не жил, и, естественно, в такой ситуации всегда по мелочи что-то неизбежно приходит в негодность.

Я едва обращал на них внимание. Я так долго предавался мечтам об этом доме, когда проходил мимо его ворот, что почти не замечал царившей в нем тягостной кладбищенской атмосферы. Я ступал по центральному коридору, заглядывая в комнаты и кладовые. Сохранившаяся старая мебель поко-

илась под толстым покровом пыли. На столе до сих пор лежала истлевшая скатерть, стоял сервиз и поднос со сгнившими фруктами и цветами. Рюмки и приборы по-прежнему находились на месте, как будто обитатели дома не закончили ужинать.

Шкафы ломились от ношенной одежды, выцветшего белья и обуви. Ящики были доверху набиты фотографиями, очками, ручками и часами, а кровати заправлены и застелены белыми покрывалами, отсвечивавшими в темноте. На тумбочке красного дерева громоздился монументальный граммофон, заряженный пластинкой, остановившейся, когда игла доиграла до конца дорожки. Я сдул тонкий слой пыли, и взору открылось название: «Лакримоза»¹⁴ В.А. Моцарта.

– Музыка в доме, – заметил инспектор. – Чего еще остается пожелать? Вы заживете тут, как паша.

Управляющий метнул на него убийственный взгляд и едва заметно покачал головой. Мы прошли этаж насквозь до самой галереи в конце, где на столике стоял кофейный прибор и открытая книга дожидалась, когда кто-нибудь, уютно устроившись в кресле, перевернет страницу.

– Такое впечатление, что дом покинули внезапно, не успев собрать вещи, – сказал я.

Инспектор кашлянул.

– Не желает ли сеньор осмотреть кабинет?

Кабинет находился на вершине узкой башни. Это было

¹⁴ Восьмая часть «Реквиема».

странное сооружение, сердцем которого являлась винтовая лестница, начинавшаяся из главного коридора. Фасад башни хранил отпечатки следов стольких поколений, сколько помнил этот город. Башня как сторожевая вышка нависала над черепичными крышами квартала Рибера и венчалась небольшим барабаном из цветного стекла и металла, служившим световым фонарем, на крыше которого угнездился флюгер в форме дракона.

Мы взошли вверх по лестнице и очутились в просторной комнате. Инспектор торопливо распахнул все окна, впуская воздух и свет. Помещение представляло собой прямоугольный зал с высокими потолками и темным деревянным полом. Из четырех огромных арочных окон, смотревших на четыре стороны, открывался вид на базилику Санта-Мария-дель-Мар на юге, большой рынок Борн на севере, старый Французский вокзал на востоке, а к западу – на бесконечный лабиринт перепутанных друг с другом улиц и бульваров, тянувшихся по направлению к горе Тибидабо.

– Ну, что скажете? Чудесно! – с воодушевлением воскликнул инспектор.

Управляющий смотрел вокруг без восторга, не скрывая неодобрения. Его секретарь по-прежнему держал фонарь высоко над головой, хотя в этом уже не было никакой необходимости. Я приблизился к одному из панорамных окон и окунулся в небо, замороженный.

Вся Барселона, казалось, лежала у моих ног, и мне хоте-

лось верить, что, когда я открою эти окна в новом своем жилище, городские улицы станут нашептывать мне по вечерам всякие истории и поверять тайны, чтобы я перенес их на бумагу и рассказал тем, кто согласится послушать. Видаль обладал роскошной и величественной мраморной башней в самой высокой и фешенебельной части Педральбес, стоявшей в окружении гор, деревьев и небес обетованных. У меня же будет роковая крепостная башня, возвышающаяся над самыми старыми и сумрачными улицами города, окруженная миазмами и мглой некрополя, который поэты и убийцы окрестили «огненной розой».

Последним аргументом для меня стал письменный стол в центре кабинета. На столе, напоминая скульптуру из металла и света, стояла внушительная пишущая машинка «Ундервуд», за прокат которой было давным-давно заплачено. Я сел в маршалское кресло у стола, с улыбкой погладил клавиши машинки и сказал:

– Я ее оставляю.

Инспектор издал вздох облегчения, а управляющий, закатив глаза, перекрестился. В тот же день я подписал договор о найме сроком на десять лет. Пока техники из электрической компании проводили в дом свет, я занимался уборкой и наведением порядка, чтобы придать жилищу достойный вид. Мне помогали трое слуг, которых Видаль отправил в наряд, даже не спросив, нужно ли мне подкрепление. Я вскоре уяснил, что *modus operandi* команды специалистов-электриков

весьма прост: сначала они сверлили стены направо и налево, а потом задавали вопросы. Через три дня после высадки десанта в доме не имелось ни одной работающей лампочки, зато любой сказал бы, что произошло нашествие жуков-точильщиков, пристрастившихся к штукатурке и благородным металлам.

– Вы хотите сказать, что нет другого способа справиться с проблемой? – спросил я у командира батальона, решавшего все вопросы ударами молотка.

Отилио (так звали этого умельца) помахал комплектом планов дома, который управляющий вручил мне вместе с ключами, и объяснил, что во всем виноват дом, поскольку он плохо построен.

– Посудите сами, – убеждал он, – если вещь никуда не годится, тут уж ничего не поделаешь. Вот и здесь так. Тут говорится, что у вас резервуар с водой на асоте¹⁵. Так ведь нет. Цистерна у вас на заднем дворе.

– Ну и что? Вас вода не касается, Отилио. Сосредоточьтесь на электричестве. Свет. Не краны и трубы. Свет. Мне нужен свет.

– Так ведь все связано. Что скажете о галерее?

– Что там нет света.

– По плану вот в этом месте должна проходить капитальная стена. И как раз тут, стоило старине Ремихио только пальцем ткнуть, как на нас чуть полдома не рухнуло. А о

¹⁵ Асотея – плоская крыша дома.

комнатах и говорить нечего. По плану в зале в конце галереи – почти сорок квадратных метров. Ничего подобного. Слава Богу, если там хотя бы двадцать наберется. Стоит стена, которой быть не должно. А о водопроводе и правда, лучше не вспоминать. Все водосливы находятся совсем не там, где положено.

– Вы уверены, что разбираетесь в чертежах?

– Послушайте, я профессионал. Учтите, в этом доме все шиворот-навыворот. Все сделано как Бог на душу положит.

– Тем не менее, вам придется проявить смекалку и работать с тем материалом, какой есть. Делайте что угодно и как угодно, но я хочу, чтобы в пятницу дыры в стенах были заделаны, поверхности покрашены и горел свет.

– Не надо меня торопить, работа-то тонкая. Нужно действовать с умом.

– И что вы намерены предпринять?

– Пока что пойти позавтракать.

– Да вы пришли всего полчаса назад.

– Сеньор Мартин, с таким отношением мы с вами никак не договоримся.

Мучения, связанные с ремонтными работами и устранением недоделок, растянулись на неделю дольше запланированного. Однако душу согревала сама мысль о том, что в любой момент я могу переехать в дом, о котором давно мечтал. В случае необходимости я готов был годами существовать при свечах и с масляными фонарями, смирившись с присут-

ствием Отилио и его эскадрона кудесников, делавших дырки где ни попадя и вкушавших пищу по два с половиной часа. К счастью, квартал Рибера был настоящим заповедником, духовным и материальным, ремесленников разных мастей. В двух шагах от новой обители я нашел мастеров, установивших мне замки, которые не напоминали трофеи из Бастилии, а также светильники и краны образца XX столетия. Идея стать счастливым обладателем телефонной линии меня не воодушевила. Судя по тому, что я слышал по радио у Видаля, новые средства массовой связи (как их именovala нынешняя пресса) не принимали меня в расчет, пытаюсь привлечь публику. Я решил, что буду вести тихую жизнь, наслаждаясь книгами и покоем. Из пансиона я не взял почти ничего, только смену белья и шкатулку с револьвером отца, единственной вещью, оставшейся от него на память. Остальную одежду и прочее имущество я раздал другим жильцам. Если бы я мог так же легко избавиться от старой кожи и воспоминаний, я бы это сделал.

Официально я перебрался в дом с башней, наконец полностью электрифицированный, в тот день, когда из печати вышел пилотный выпуск «Города проклятых». Я лихо закрутил интригу, от начала до конца вымышленную, вокруг пожара в «Грезе» в 1903 году и призрачного существа, с тех пор наводившего колдовские чары на улицы Равалья. Раньше чем высохла типографская краска первого издания, я начал тру-

даться над вторым романом серии. По моим расчетам, исходя из тридцати дней непрерывной работы в месяц, Игнатиус Б. Самсон должен был в среднем писать в сутки 6, 66 страницы набело, чтобы выполнить условия контракта. Чистое безумие, имевшее, впрочем, одно преимущество: у меня почти не оставалось свободного времени, чтобы задуматься об этом.

Я едва осознавал, что с течением времени стал поглощать больше кофе и папирос, чем кислорода. По мере того как я травил себя, у меня появлялось ощущение, что мозг постепенно превращается в паровую машину, которая никогда не остывает. Но Игнатиус Б. Самсон был молод и вынослив. Он работал ночь напролет и падал на кровать на рассвете, совершенно изнуренный, одолеваемый странными снами. Ему снилось, что буквы на листе, заправленном в пишущую машинку в кабинете, отделялись от бумаги и, словно чернильные пауки, расползались по его рукам и лицу, проникали сквозь кожу и заполняли вены, пока не оплели сердце черным коконом и не застилали зрачки озерами мрака.

Целыми неделями я не покидал стен особняка и потерял счет дням недели и месяцам года. Я не обращал внимания на повторявшиеся приступы головной боли, начинавшиеся внезапно, будто железное долото вонзалось в череп так, что из глаз сыпались искры. Я привык к постоянному шуму в ушах, заглушаемому только воем ветра или шелестом дождя. Иногда, обливаясь холодным потом и чувствуя, что пальцы, ле-

жавшие на клавиатуре машинки, отказываются повиноваться, я обещал себе на другой же день показаться врачу. Но на следующий день всегда появлялись новый эпизод и очередная история, которые требовалось рассказать.

Игнатиусу Б. Самсону исполнился год, и я, чтобы отметить это событие, решил взять выходной и вновь увидеть солнце, почувствовать дыхание ветра и пройти по городу, по которому давно путешествовал только в своем воображении. Я побрился, привел себя в порядок и нарядился в самый лучший и респектабельный из своих костюмов. Я оставил открытыми окна в кабинете и галерее, чтобы проветрить дом, и густой дух, пропитавший все поры, развеяло на четыре стороны. Я вышел на улицу и обнаружил на земле под почтовым ящиком большой конверт. В конверте я нашел тонкий лист пергамента, запечатанный сургучом с оттиском фигуры ангела, исписанный изумительно красивым почерком. Текст гласил:

Дорогой Давид,

я хотел бы первым поздравить Вас с новым этапом карьеры. Я получил огромное удовольствие, читая первые выпуски «Города проклятых». Надеюсь, мой скромный подарок придется Вам по душе.

Вновь выражаю свое восхищение и уверенность, что однажды наши пути пересекутся. С искренним желанием, чтобы так и было, Ваш преданный друг и

читатель

Андреас Корелли.

Мне преподнесли старый экземпляр «Больших надежд», который сеньор Семпере однажды подарил мне в детстве. Эту самую книгу я вернул ему из страха, что отец найдет ее. И много лет спустя она исчезла в неизвестном направлении всего за несколько часов до того, как я попытался вернуть свое сокровище, готовый заплатить любые деньги. Я смотрел на пачку бумаги, где, как мне казалось совсем еще недавно, была сосредоточена вся магия и свет мира. На обложке до сих пор виднелись следы мальчишеских окровавленных пальцев.

– Спасибо, – пробормотал я.

Сеньор Семпере надел очки для чтения, чтобы внимательно рассмотреть книгу. Он положил ее на суконку, расстеленную на письменном столе в подсобном помещении магазина, и повернул лампу так, чтобы свет падал на потрепанный томик. Экспертиза заняла у него несколько минут. На протяжении всей процедуры я хранил благоговейное молчание, наблюдая, как он перелистывает страницы, нюхает их, бережно водит пальцами по бумаге и корешку, взвешивает книгу на одной руке, а потом на другой, и, наконец, закрыв ее, изучает через лупу пятна засохшей крови, оставленные моими пальцами на переплете лет двенадцать или тринадцать назад.

– Невероятно, – прошептал он, снимая очки. – Та самая книга. Как, вы говорите, она к вам вернулась?

– Я и сам толком не знаю. Сеньор Семпере, что вам известно о французском издателе по имени Андреас Корелли?

– Имя звучит скорее как итальянское, нежели французское. Хотя Андреас – как будто греческое произношение...

– Издательский дом находится в Париже. Издательство «Люмьер».

Семпере задумался ненадолго, сомневаясь.

– Боюсь, я о таком не слышал. Я спрошу у Барсело. Он знает все и обо всех, посмотрим, что скажет он.

Густаво Барсело возглавлял элиту цеха букинистов в старой Барселоне, и его энциклопедический багаж знаний был известен не меньше, чем колючие манеры и педантизм. Среди профессионалов бытовала поговорка: если сомневаетесь, спросите у Барсело. В этот момент в комнату заглянул сын Семпере (парень был старше меня на два или три года, но вел себя настолько тихо и скромно, что временами словно становился невидимым) и сделал отцу знак.

– Отец, пришли забрать заказ, который, как мне кажется, принимали вы.

Букинист со вздохом протянул мне толстый растрепанный томик.

– У меня тут есть последний каталог европейских издателей. Если хотите, посмотрите пока, вдруг найдете что-нибудь, а я тем временем обслужу клиента, – предложил он.

Я остался в одиночестве в подсобном помещении книжной лавки, тщетно пытаясь обнаружить издательство «Люмьер», а Семпере между тем вернулся за стойку. Перелистывая каталог, я слышал, как он беседует с женщиной, и ее голос мне показался знакомым. В разговоре они упомянули Педро Видаля, и я, заинтригованный, высунулся в зал полюбопытствовать.

Кристина Сагниер, дочь шофера и секретарь моего ментора, перебирала стопку книг, а Семпере вносил их списком в книгу продаж. Увидев меня, она вежливо улыбнулась, но явно не узнала. Семпере поднял голову и, заметив мой глу-

пый вид, моментально просек ситуацию.

– Вы ведь знакомы, не так ли? – промолвил он.

Кристина удивленно вскинула брови и вновь повернулась ко мне, не в состоянии вспомнить, где мы встречались.

– Давид Мартин. Друг дона Педро, – представился я.

– О, конечно, – сказала она. – Здравствуйте.

– Как поживает ваш отец? – нашелся я.

– Прекрасно. Он ждет меня на углу в машине.

Семпере, от которого ничто не ускользало, тотчас вмешался:

– Сеньорита Сагниер заехала за книгами, заказанными Видалем. Но они очень тяжелые, поэтому не окажете ли вы любезность, не согласитесь ли помочь донести их до машины?

– Не беспокойтесь... – запротестовала Кристина.

– Охотно, – выступил я, поспешив поднять кипу книг, весившую, как подарочное издание Британской энциклопедии со всеми приложениями.

Я почувствовал, как в спине у меня что-то хрустнуло, и Кристина с беспокойством взглянула на меня:

– Вы в порядке?

– Не волнуйтесь, сеньорита. Перед вами любезный Мартин, он хоть и образованный человек, но силен как бык, – сказал Семпере. – Правда ведь, Мартин?

Кристина продолжала смотреть на меня с недоверием. Я изобразил улыбку мужественного героя.

– Сплошные мускулы, – подтвердил я. – Это лишь легкая разминка.

Семпере-младший вызвался было донести половину книг, но отец в дипломатическом ударе удержал его за руку. Кристина придержала для меня дверь, и я рискнул преодолеть пятнадцать или двадцать метров, отделявших меня от «испано-суисы», припаркованной на пересечении с улицей Порталь дель Анхель. Я осилил их с большим трудом, ибо руки у меня чуть не оторвались. Шофер Мануэль помог мне освободиться от ноши и с воодушевлением поздоровался.

– Какая неожиданность встретить вас здесь, сеньор Мартин.

– Мир тесен.

Кристина одарила меня легкой улыбкой в знак благодарности и села в машину.

– Сожалею, что так вышло с книгами.

– Пустяки. Небольшая зарядка поднимает дух, – отшутился я, стараясь не замечать, что мышцы на спине превратились в канатные узлы. – Кланяйтесь дону Педро.

Я проследил, как они поехали в сторону площади Каталонии. Вернувшись, я нашел Семпере на пороге магазина. Он смотрел на меня с улыбкой довольного кота и жестами показывал, что мне надо подобрать слюни. Я подошел к нему и, не выдержав, расхохотался, потешаясь главным образом над собой.

– Теперь я знаю вашу тайну, Мартин. У меня глаз наметан

в таких делах.

– Все давно быльем поросло.

– Кому вы это говорите?! Я могу поддержать у себя книгу пару дней?

Я кивнул.

– Берегите ее.

Наше следующее свидание с Кристиной состоялось через несколько месяцев. Она сидела в ресторане «Maison Doree» в обществе Педро Видаля за столиком, который для него традиционно резервировали. Видадь пригласил к ним присоединиться, но мне достаточно было один раз обменяться с ней взглядами, чтобы понять, что предложение стоит отклонить.

– Как продвигается ваш роман, дон Педро?

– На всех парусах.

– Я рад. Приятного аппетита.

Наши встречи происходили случайно. Иногда я сталкивался с ней в книжной лавке «Семпере и сыновья», куда она часто приезжала за книгами для дона Педро. Если при этом присутствовал Семпере, то он находил предлоги, чтобы оставить нас наедине. Но Кристина вскоре раскусила его хитрость и стала присылать за заказом одного из слуг с виллы «Гелиос».

– Знаю, это не мое дело, – сказал Семпере, – но вам лучше забыть о ней.

– Не понимаю, о ком вы, сеньор Семпере.

– Мартин, мы ведь знакомы целую вечность...

Шли месяцы, похожие один на другой как две капли воды, а я даже не замечал этого. Я вел ночную жизнь, работая

от заката до рассвета, и спал днем. Барридо и Эскобильяс не уставали радоваться успеху «Города проклятых». Увидев, что я на грани срыва, они пообещали – после парочки новых романов – дать мне год отпуска, чтобы я отдохнул или написал серьезный роман, который они опубликуют с большой помпой под моим собственным именем, напечатав его аршинными буквами на обложке. И каждый раз всего-то и надо было, что написать парочку-другую романов. Приступы головной боли и головокружения сделались чаще и сильнее, и я глушил их свежими порциями кофеина, табака, таблетками с кодеином и еще бог знает какими пилюлями, которыми меня украдкой снабжал аптекарь на улице Архентерия, и от которых было мало толку. Дон Басилио, с кем я обедал по четвергам (хоть и не на веранде «Барселонеты»), уговаривал меня обратиться к врачу. Я всегда с ним соглашался и обещал выкроить часок до конца недели.

У меня было очень мало времени, и в результате, не считая бывшего шефа и семейства Семпере, я встречался только с Видалем, и то потому только, что он приходил навестить меня сам – я к нему не навещался. Ему не нравился дом с башней, и он обычно предлагал выйти и погулять. Прогулки неизменно заканчивались в баре «Адмирал» на улице Хоакина Косты. У Видаля там был открыт счет и по вечерам в пятницу собирался литературный кружок. На эти встречи он меня не приглашал. Члены кружка, непризнанные и угодливые рифмоплеты заискивали перед ним в надежде на по-

дачку, рекомендацию к издателю или похвалу, которая прольется бальзамом на уязвленное самолюбие. И Видадь отлично понимал, что меня они возненавидят всеми фибрами души, с силой и страстью, которых недоставало их поэтическим шедеврам, не получившим признания у «невежественной» публики. В баре, за рюмкой абсента, покуривая гаванские сигары, он рассказывал мне о романе, который никак не мог завершить, о планах расстаться с уединенной жизнью, о своих увлечениях и победах: чем старше он становился, тем более юными и спелыми были его возлюбленные.

– Ты не спрашиваешь меня о Кристине, – хитро поддразнивал он меня иногда.

– Что я должен спрашивать?

– А вдруг она спросит меня о тебе?

– А она спрашивает обо мне, дон Педро?

– Нет.

– Вот поэтому.

– На самом деле однажды она упомянула о тебе.

Я посмотрел ему в глаза, сомневаясь, уж не разыгрывает ли он меня.

– И что она сказала?

– Тебе не понравится.

– Выкладывайте.

– Она выразилась иначе, но, как я понял, она недоумевает, зачем ты продаешь себя, кропая посредственные романы для пары мошенников, пуская по ветру свой талант и юность.

Я почувствовал себя так, словно Видаль только что вонзил мне в живот стальной клинок.

– Она так считает?

Видаль пожал плечами:

– Что до меня, так пусть все катится к черту.

Я работал полную неделю, кроме воскресенья. По воскресеньям я празднично гулял по улицам, заканчивая, как правило, в каком-нибудь кабачке на Паралело, где ничего не стоило найти компанию и временное утешение в объятиях одинокой и ищущей души, такой же как моя. Иллюзия длилось до утра, когда я просыпался рядом с нею и обнаруживал чужую, незнакомую женщину. Я не осознавал, что все они чем-то похожи на Кристину – цветом волос, походкой, выражением лица или глаз. Рано или поздно, желая нарушить мучительное молчание при расставании, спутницы на одну ночь спрашивали, чем я занимаюсь. Если, уступая тщеславному побуждению, я сообщал им, что пишу книги, они мне не верили, поскольку никто знать не знал никакого Давида Мартина. Правда, некоторые имели представление об Игнатиусе Б. Самсоне и что-то слышали о «Городе проклятых». Со временем я начал говорить, что работаю на портовой таможне рядом с Атарасанас¹⁶ или письмоводителем в адвокатской кон-

¹⁶ Самые большие и хорошо сохранившиеся средневековые верфи в мире. Их строительство началось в 1378 году, и они представляют собой один из лучших образцов каталонского готического стиля в гражданской архитектуре.

торе «Сайрач, Мунтанер и Крузельс».

Хорошо помню один вечер: я сидел в кафе «Опера» в обществе учительницы музыки, звавшейся Алисией. Подозреваю, что я был для нее средством забыть кого-то, кто не пришел. Я собирался поцеловать даму, когда неожиданно увидел за стеклом лицо Кристины. Я выскочил на улицу, но она уже затерялась в толпе на бульваре Рамбла. Две недели спустя Видаль любезно пригласил меня на премьеру «Мадам Баттерфляй» в «Лисео». Семья Видаль занимала ложу на первом ярусе, и Видаль с удовольствием весь сезон каждую неделю ходил в театр. Встретившись с ним в фойе, я увидел, что он привел с собой и Кристину. Она поздоровалась с ледяной улыбкой, но больше не заговаривала со мной и даже не смотрела в мою сторону. В середине второго действия Видаль решил спуститься в партер и поприветствовать кого-то из своих кузенов, оставив нас вдвоем в ложе, один на один, без всякого прикрытия, кроме Пуччини и сотен лиц в темноте зала. Я терпел минут десять, потом повернулся к ней и заглянул в глаза.

– Я чем-то вас обидел? – спросил я.

– Нет.

– Тогда мы можем хотя бы попытаться притворяться друзьями, по крайней мере в таких ситуациях, как сегодня.

– Я не хочу быть вашим другом, Давид.

– Почему же?

– Потому что вы тоже не хотите дружить со мной.

Она была права, я хотел не дружить с ней.

– Вы действительно думаете, что я торгую собой?

– Что думаю я, не имеет никакого значения. Важно, что думаете вы сами.

Я высидел там еще ровно пять минут, затем встал и вышел, не проронив ни слова. Добравшись до парадной лестницы «Лисео», я дал себе зарок никогда больше не думать о ней, не смотреть на нее и не говорить приветливых слов.

На другой день я увидел ее у кафедрального собора и попытался избежать встречи. Она помахала мне рукой и улыбнулась. Я, застыв на месте, ждал, когда она подойдет.

– Не пригласите меня на чашечку кофе?

– Я регулирую движение и освобожусь не раньше чем часа через два.

– Тогда позвольте мне вас пригласить. Сколько стоит сопровождение дамы в течение часа?

Я неохотно последовал за ней в кондитерскую на улице Петритксоль. Мы заказали по чашке горячего шоколада, сели напротив друг друга и стали играть в игру, кто заговорит первым. На сей раз победил я.

– Я не хотела вчера вас обидеть, Давид. Не знаю, что вам мог сказать дон Педро, но я ничего подобного не говорила.

– Возможно, вы так думаете, поэтому дон Педро так мне сказал.

– Вы понятия не имеете, что я думаю, – сердито возразила она. – А дон Педро тем более.

Я пожал плечами:

– Ну и хорошо.

– И сказала я нечто совершенно другое. Я сказала, что не верю, будто вы ведаете, что делаете, и не прислушиваетесь к своим чувствам.

Я улыбнулся, соглашаясь с ней. И единственным моим желанием в тот момент было поцеловать ее. Кристина с вызовом выдержала мой взгляд. Она не отшатнулась, когда я протянул руку и коснулся ее губ и скользнул кончиками пальцев по подбородку и шее.

– Так не годится, – сказала она наконец.

Когда официант принес две чашки дымящегося шоколада, она уже ушла. И появилась вновь в моей жизни лишь много месяцев спустя.

Однажды, в конце сентября, закончив новый выпуск «Города проклятых», я решил устроить себе ночь отдыха. Я чувствовал, как занимается огнем голова и надвигается очередной мучительный приступ тошноты. Проглотив пригоршню таблеток кодеина, я вытянулся на кровати в потемках, пережидая, когда высохнет холодный пот на лбу и перестанут дрожать руки. Уже засыпая, я услышал звонок. Доковыляв до прихожей, я открыл дверь. Видаль, облаченный, по обыкновению, в элегантный итальянский шелковый костюм, прикуривал папиросу под фонарем, отбрасывавшим на него пучок света, достойный кисти Вермеера.

– Ты живой, или я говорю с привидением? – спросил он.

– Быть не может, чтобы вы проделали путь от виллы «Гелиос» только ради этой реплики.

– Нет. Я приехал потому, что месяцами ничего о тебе не слышал и ты меня беспокоишь. Почему бы тебе не заказать установку телефона в этом мавзолее, как всем нормальным людям?

– Мне не нравятся телефоны. Я люблю видеть лицо человека, с которым разговариваю, и чтобы он видел меня.

– В твоём случае не уверен, что это хорошая идея. Ты давно смотрелся в зеркало?

– Это ваша привилегия, дон Педро.

– У клиентов морга городской больницы цвет лица лучше, чем твой. Давай, одевайся.

– Зачем?

– Затем, что я сказал. Мы отправляемся на прогулку.

Видадь не принял ни отказа, ни возражений. Он дотащил меня до автомобиля, стоявшего на бульваре Борн, и велел Мануэлю трогаться.

– Куда мы едем? – поинтересовался я.

– Сюрприз.

Мы проехали насквозь всю Барселону вплоть до проспекта Педральбес и начали взбираться по склону холма. Вскоре вдалеке показалась вилла «Гелиос». Все окна ярко светились и казались в сумерках гирляндой горящих золотом огней. Видадь держался стойко, не выдавая секрета, и только зага-

дочно улыбался. По прибытии в дом он пригласил меня следовать за собой и провел в парадную гостиную. Собравшееся там общество, увидев меня, зааплодировало. Я узнал дону Басилио, Кристину, отца и сына Семпере, свою первую учительницу донью Мариану, авторов, публиковавшихся вместе со мной у Барридо и Эскобильяса и с кем я подружился, Мануэля, присоединившегося к компании, и нескольких девушек из числа трофеев Видаля. Дон Педро с улыбкой протянул мне бокал шампанского:

– С двадцативосьмилетием, Давид.

А я об этом совсем забыл.

После ужина я улучил мгновение и выскользнул в сад подышать воздухом. С неба, усыпанного звездами, струился серебристый свет, окутывая деревья призрачной вуалью. Я провел в одиночестве не больше минуты. За спиной послышались приближавшиеся шаги. Обернувшись, я оказался лицом к лицу с особой, кого менее всех ожидал увидеть в тот момент, – Кристиной Сагниер. Она улыбнулась, как будто извиняясь, что нарушила мое уединение.

– Педро не знает, что я вышла за вами, – сказала она.

Я отметил, что слово «дон» исчезло из обращения, но притворился, будто не обратил внимания на эту деталь.

– Я хотела бы поговорить с вами, Давид, – продолжала она. – Но не здесь и не сейчас.

Даже вечерний сумрак сада не помог скрыть моего замешательства.

– Мы не могли бы встретиться где-нибудь завтра? – спросила она. – Обещаю, что не отниму у вас много времени.

– С одним условием, – отозвался я. – Что вы перестанете обращаться ко мне на вы. Хватит и того, что день рождения безнадежно старит человека.

Кристина снова улыбнулась.

– Договорились. Я буду называть вас на ты, если вы тоже будете со мной на ты.

– Помимо прочего, я мастер быть на ты. Где ты предпочитаешь встретиться?

– Может, у тебя дома? Мне не хочется, чтобы нас увидели и чтобы Педро узнал, что я с тобой говорила.

– Как угодно...

Кристина рассмеялась с облегчением.

– Спасибо. Значит, завтра? Днем?

– Когда угодно. Знаешь, где я живу?

– Отец знает.

Она слегка наклонилась и поцеловала меня в щеку.

– С днем рождения, Давид.

И прежде чем я успел вымолвить хотя бы слово, Кристина растворилась в саду. Вернувшись в гостиную, я ее уже не застал. Видадь смерил меня холодным взглядом из противоположного конца зала, и только убедившись, что я его взгляд заметил, он улыбнулся.

Через час Мануэль, с согласия Видаля, взял на себя труд отвезти меня домой на «испано-суисе». Я устроился рядом с

ним, как всегда в тех случаях, когда мы ездили с ним вдвоем. Тогда, пользуясь моментом, шофер показывал мне приемы вождения и даже (без ведома Видаля) разрешал ненадолго сесть за руль. В тот вечер шофер был молчаливее обычного и не открывал рта, пока мы не оказались в центре города. Он осунулся с тех пор, как я видел его в последний раз, и мне показалось, будто возраст начал предъявлять ему счета.

– Что-то произошло, Мануэль? – спросил я.

Шофер повел плечами.

– Ничего особенного, сеньор Мартин.

– Может, вас что-то беспокоит?

– Всякая чепуха со здоровьем. В определенном возрасте все беспокоит помаленьку, вы же понимаете. Но не обо мне речь. Речь о моей дочери.

Я толком не знал, что отвечать, и ограничился кивком.

– Мне известно, что вам она нравится, сеньор Мартин. Моя Кристина. Отцы всегда замечают такие вещи.

Я снова молча кивнул. Мы не обменялись больше ни словом, пока Мануэль не остановил машину в начале улицы Флассадерс и, пожав мне руку, не поздравил еще раз с днем рождения.

– Если со мной что-нибудь случится, – добавил он, – вы ведь ей поможете, правда, сеньор Мартин? Вы сделаете это для меня?

– Конечно, Мануэль. Но только что с вами может случиться?

Шофер улыбнулся и попрощался, помахав мне рукой. Я смотрел, как он садится в автомобиль и медленно отъезжает. Абсолютной уверенности у меня не было, но все же я рискнул бы поручиться, что, проделав весь путь почти в полном молчании, теперь Мануэль разговаривает сам с собой.

Все утро я метался по дому, пытаюсь привести его в пристойный вид: раскладывал вещи по местам, проветривал комнаты, вытирал пыль с предметов и выметал углы, о существовании которых даже не подозревал. Я сбегал к цветочному прилавку на рынке и, вернувшись с полными руками цветов, сообразил, что понятия не имею, куда засунул вазы, чтобы поставить букеты. Я оделся так, будто собирался идти наниматься на работу. Посмотревшись в зеркало, я убедился, что Видадь не преувеличивал – я походил на вампира. Наконец я уселся в кресло на галерее, взял книгу и стал ждать. За два часа я не продвинулся дальше первой страницы. Наконец, ровно в четыре, я услышал шаги Кристины на лестнице и вскочил. Когда она позвонила в дверь, я уже караулил там целую вечность.

– Здравствуй, Давид. Я не вовремя?

– Нет, что ты. Напротив. Входи, пожалуйста.

Скупно улыбнувшись, Кристина прошла в коридор. Я проводил ее в библиотеку на галерее и предложил сесть. Она пытливо рассматривала обстановку.

– Это очень необычное место, – сказала она. – Педро мне, правда, рассказывал, что у тебя внушительный дом.

– Он предпочитает определение «зловещий», хотя, мне кажется, это вопрос степени.

– Можно спросить, почему ты переехал именно сюда? Дом слишком большой для одинокого человека.

«Одинокий», – подумал я. Человек в результате становится таким, каким его представляют те, кто ему небезразличен.

– Неужели? – переспросил я. – Дело в том, что я переехал сюда потому, что много лет смотрел на этот дом по пути на работу и обратно. Дом всегда был заколочен, и со временем я поверил, что он ждет меня. А потом стал мечтать, как однажды поселюсь в нем. Так я и сделал.

– Все твои мечты воплощаются в реальность, Давид?

Ироничный тон Кристины живо напомнил манеру Видаля.

– Нет, – ответил я, – это единственная. Но ты хотела что-то обсудить, а я развлекаю тебя малоинтересными байками.

Помимо воли слова мои прозвучали так, словно я защищался. Когда человек получает то, чего желает больше всего, обычно повторяется история, которая всегда происходит с цветами: взяв в руки букет, вы не знаете, куда его пристроить.

– Я хотела поговорить о Педро, – начала Кристина.

– А-а.

– Ты его лучший друг. И хорошо его знаешь. Он вспоминает о тебе как о сыне и любит больше всех. И ты это понимаешь.

– Дон Педро всегда относился ко мне как к сыну, – подтвердил я. – Если бы не он и сеньор Семпере, не знаю, что

бы со мной стало.

– Я решилась поговорить с тобой потому, что очень волнуюсь за него.

– Почему?

– Как тебе известно, я давно работаю у него секретаршей. Но дело в том, что Педро очень великодушный человек, и мы с ним в итоге подружились. Он всегда очень хорошо относился к отцу и ко мне, и потому мне больно видеть его в таком состоянии.

– В каком?

– Все эта проклятая книга, роман, который он хочет написать.

– Он годами его пишет.

– Он годами его уничтожает. Я правлю и перепечатаваю каждую страницу. И он уничтожил их тысячи две, не меньше, за то время, что я служу секретаршей. Он твердит, что у него нет таланта, обзывает себя фигляром. Пьет непрерывно. Иногда я нахожу его в кабинете, там, в башне, пьяного и плачущего, как ребенок...

Я с усилием сглотнул.

– Он заявляет, что завидует тебе, что желал бы стать таким, как ты. Он уверен, будто люди лицемерят и поют ему дифирамбы потому, что, хотят от него что-то получить: деньги или помощь. Но он-то знает, что его работа не стоит ни сентима. С посторонними он держит марку – шелковые костюмы и все прочее, но я вижу его каждый день, и он

чахнет. Порой меня охватывает страх, что он наделает глупостей. Уже довольно давно. Я до сих пор ни слова никому не сказала, потому что не знала, с кем можно поговорить. Он разозлится, если узнает, что я приходила к тебе. Он постоянно меня предупреждает: «Не беспокой Давида моими проблемами. У него вся жизнь впереди, а я человек конечный». Педро часто повторяет подобные вещи. Прости, что я все это тебе рассказываю, но я не знала, к кому обратиться...

Мы надолго погрузились в молчание. Я похолодел при мысли, что пока человек, которому я обязан всем в жизни, тонет в пучине отчаяния, я, замкнувшись в собственном мире, не дал себе труда хотя бы раз остановиться и задуматься, чтобы понять это.

– Наверное, мне не стоило приходить.

– Нет, – возразил я, – ты правильно поступила.

Кристина тепло мне улыбнулась, и мне показалось, что наконец я перестал быть для нее чужим.

– Что же мы предпримем? – спросила она.

– Мы ему поможем, – ответил я.

– А если он не позволит?

– Тогда мы сделаем так, что он не узнает.

Не могу сказать с уверенностью, чего я желал на самом деле – помочь Видалю (как сам себя убеждал) или всего-навсего получить удобный предлог проводить время с Кристиной. Мы встречались почти каждый день в доме с башней. Кристина приносила фрагменты текста, написанного накануне Видалем. Рукописи были испещрены пометками, перечеркнутыми абзацами, примечаниями тут и там и тысячей и одним исправлением в попытке спасти безнадежное. Мы поднимались в кабинет и усаживались на пол. Кристина читала отрывки вслух, а затем мы их подробно обсуждали. Мой ментор пытался создать нечто вроде эпической саги, проследив историю трех поколений условной барселонской династии, весьма напоминавшей семейство Видаля. Действие открывалось прибытием в город двух братьев-сирот за несколько лет до начала промышленной революции и развивалось в русле библейской притчи о Каине и Авеле. Первый брат в конце концов сделался одним из самых богатых и влиятельных людей своего времени, тогда как второй посвятил себя церкви и заботе о бедных, окончив свои дни при трагических обстоятельствах, которые явственно перекликались со злоключениями, выпавшими на долю священника и поэта Жасинта Вердагера¹⁷. Всю жизнь брата

¹⁷ Вердагер, Жасинт (1845–1902) – каталонский поэт, священник. Лишен сана

враждовали. Нескончаемая вереница персонажей проходила парадом по страницам эпоса. Перипетии сюжета включали пламенную мелодраму, ссоры, убийства, любовные связи, трагедии и прочие формы жанра, причем события разворачивались в обстановке зарождения современного мегаполиса и становления промышленной и финансовой отраслей. Повествование велось от лица племянника одного из братьев, воссоздававшего семейную историю, глядя на пылающий город из окон дворца на Педральбес в дни Трагической недели 1909 года¹⁸.

Прежде всего меня поразило, что именно этот сюжет я в общих чертах обрисовал Видалю пару лет назад как идею, чтобы сдвинуть с мертвой точки роман, который он вечно грозился когда-нибудь написать. Во-вторых, вызывало недоумение, что он ни словом не обмолвился, что решил реализовать этот замысел и в результате потратил годы на его воплощение, причем не из-за недостатка возможностей. И, в-третьих, повергало в ступор полное и абсолютное убожество романа – в том виде, в каком он существовал теперь. Все составляющие элементы никуда не годились, начиная композицией и героями, включая саму атмосферу и приемы дра-

как еретик. Автор мистических стихов и лирики в духе народных песен, а также героико-эпических поэм «Атлантида» и «Каниго».

¹⁸ Восстание в Каталонии, известное как Трагическая неделя, – выступления антимилитаристов, сопровождавшиеся баррикадными боями, произошли в нескольких городах Каталонии. Беспорядки были подавлены войсками и привели к смене правительства.

матизации, и вплоть до языка и стиля. Данный опус навевал мысли о профане с большими амбициями и кучей свободного времени.

– Ну и как? – спросила Кристина. – Считаешь, его нужно редактировать?

Я не стал говорить ей, что Видадь взял за основу мою идею, и, не желая расстраивать ее еще больше, улыбнулся и кивнул:

– Кое-что требуется переработать. Все, от начала до конца.

Когда начинало смеркаться, Кристина садилась за машинку, и до двух ночи мы переписывали книгу Видаля буква за буквой, строчка за строчкой, сцена за сценой.

Сюжет у Видаля получился настолько расплывчатый и банальный, что я предпочел восстановить линию, придуманную мною экспромтом, когда сам подбросил ему эту идею. Постепенно мы вдохнули жизнь в героев, перекроив их заново и переделав с головы до ног. Хирургического вмешательства не избежали ни один эпизод, абзац, строчка или слово, однако, по мере того как продвигалась работа, во мне крепла уверенность, что мы отдаем должное роману, который Видадь вынашивал в душе и стремился написать, но не знал как.

Кристина рассказывала мне, что иногда Видадь перечитывал машинописный текст эпизода, который якобы напи-

сал несколько недель назад, и поражался качеству своей работы и глубине таланта, в который давно перестал верить. Кристина опасалась, как бы он не обнаружил, что именно мы делаем, и твердила, что необходимо ближе следовать букве оригинала.

– Не стоит недооценивать тщеславие писателя, особенно писателя посредственного, – отвечал я.

– Мне не нравится, когда ты так говоришь о Педро.

– Извини. Мне тем более.

– Лучше бы ты немного сбавил темп жизни. Ты плохо выглядишь. За Педро я теперь спокойна, сейчас меня беспокоишь ты.

– Прекрасно, что все это принесло хоть какие-то плоды.

* * *

Со временем у меня вошло в привычку жить, наслаждаясь мгновениями, проведенными с Кристиной. Это не могло не отразиться на моей собственной работе самым плачевным образом. Я с грехом пополам выкраивал время, чтобы посидеть над «Городом проклятых», спал не больше трех часов в сутки, изо всех сил стараясь успеть с новой книгой в срок, чтобы выполнить условия контракта. Барридо и Эскобильяс, как правило, не читали книг – ни тех, что издавали сами, ни опубликованных конкурентами. Зато Отрава читала их все и вскоре заподозрила, что со мной творится неладное.

– Это совсем не похоже на тебя, – порой говорила она.

– Конечно, нет, дорогая Эрминия. Это похоже на Игнатия Б. Самсона.

Я осознавал, чем рискую, но мне было все равно. Меня не волновало, что я просыпаюсь каждое утро, обливаясь потом, с сердцем, бьющимся так отчаянно, словно оно хотело вырваться из грудной клетки. Я заплатил эту цену и охотно заплатил бы и больше, только бы не отказываться от тесного непринужденного общения и тайны, которая помимо нашей воли превращала нас в сообщников. Я прекрасно знал, что Кристина читает это в моих глазах каждый день, когда приходит в мой дом, и знал, что она никогда не откликнется на чувства, написанные у меня на лице. Этот путь не сулил ни будущего, ни больших надежд, и мы оба это понимали.

Случалось, устав от титанических усилий вновь спустить на воду поврежденное судно с течью по всем бортам, мы откладывали рукопись Видаля и осмеливались поговорить о вещах отвлеченных, не имевших ничего общего с тем сокровенным, что так долго лежало под спудом и теперь начинало жечь душу, точно каленым железом. Иногда я собирался с духом и брал ее за руку. Кристина позволяла мне это, но я догадывался, что она испытывает неловкость и чувствует, что мы поступаем дурно, ибо долг признательности Видалю нас одновременно и связывал, и разделял. Однажды поздно вечером, незадолго до ее ухода, я взял ее лицо в ладони и попытался поцеловать. Она не пошевелилась, но, поймав в

зеркале ее взгляд, я не посмел ничего сказать. Она встала и ушла, не проронив ни слова. Я не видел ее потом две недели. Вернувшись, Кристина заставила меня пообещать, что ничего подобного больше не повторится.

– Давид, я хочу, чтобы ты понял: когда мы закончим работу над книгой Педро, то не будем видеться так часто.

– Почему же?

– Ты знаешь почему.

Кристина неодобрительно относилась не только к моим авансам. Я начал подозревать, что Видадь попал в точку, сказав, что ей не нравятся книги, которые я пишу для Барридо и Эскобильяса, хотя она об этом прямо не говорила. Но я без труда мог представить, что она думает: будто бы я, как наемник, работаю без души на заказ и распродаю душу по дешевке ради обогащения пары серых крыс, поскольку у меня не хватает мужества писать по велению сердца, под своим именем, раскрывая собственные чувства. Больше всего ранило то, что, по существу, она была права. Я мечтал разорвать кабальный контракт и написать книгу только для Кристины, лишь бы завоевать ее уважение. И если единственное, что я умел делать, недостаточно хорошо для нее, возможно, имело смысл вернуться к унылым будням в газете. Я всегда мог прожить подачками и милостыней Видаля.

Утомленный ночной работой, я не мог заснуть и вышел погулять. Я бродил без определенной цели, и ноги сами при-

несли меня в верхний город на стройку собора Святого Семейства. В детстве отец иногда приводил меня полюбоваться на скопище скульптур и портиков, вечно одетое лесами, словно место было проклятым. Мне нравилось время от времени возвращаться туда, чтобы удостовериться – ничего не изменилось. Город непрестанно разрастался, но собор Святого Семейства так и лежал в руинах, как в первый день творения.

Я пришел, когда занялся голубоватый рассвет, иссеченный красными лучами, на фоне которого темным силуэтом вырисовывались башни фасада Рождества Христова¹⁹. Восточный ветер поднимал пыль с немощеных улиц и доносил едкий запах фабрик, выстроившихся вдоль границы квартала Сан-Марти. Я переходил улицу Майорка и вдруг увидел огни трамвая, надвигавшиеся сквозь рассветную дымку. Донося гул металлических колес, катившихся по рельсам, и тревожный звонок, которым кондуктор предупреждал о приближении вагона в полумраке. Я хотел бежать и не смог. Я застыл, будто пригвожденный к месту между рельсами, глядя, как огни трамвая несутся на меня. Я слышал крики кондуктора и видел снопы искр, отмечавших тормозной путь. Но даже теперь, когда смерть дышала в лицо, я не мог пошевелить ни единым мускулом. Я почуял специфический запах

¹⁹ Западный фасад собора Святого Семейства (Саграда Фамилия), последнего творения А. Гауди. Архитектор не закончил его постройку, так как трагически погиб, попав под трамвай.

электричества, исходивший от потока белого света, который ширился и разрастался на моих глазах, застилая слепящей пеленой башню кабины. Я упал, точно кукла, но оставался в сознании еще несколько секунд. Их как раз хватило, чтобы я успел заметить, как дымящееся колесо трамвая замерло сантиметрах в двадцати от моего лица. И меня накрыла темнота.

Я открыл глаза. Массивные каменные колонны вздымались к голому потолку, как стволы деревьев. В рассеянном свете чахлых лучей, падавших наискосок, слабо вырисовывались бесконечные ряды лежаков. Мелкие капли воды, напоминавшие слезы вдовы, срывались с потолка и со звонким эхом падали на пол. Сумрак пропитался запахом плесени и сырости.

– Добро пожаловать в чистилище.

Я приподнялся и, повернув голову, увидел какого-то субъекта в лохмотьях. Он читал газету в свете фонарика и расплывался в широкой улыбке, подкупавшей отсутствием половины зубов. На первой странице газеты сообщалось, что генерал Примо де Ривера²⁰ сосредоточил в своих руках всю полноту государственной власти и установил бархатную диктатуру ради спасения страны от неминуемого кровопролития. Номер газеты вышел лет шесть назад.

– Где я?

Оборванец с любопытством посмотрел на меня поверх газеты.

– В отеле «Ритц». Разве не чувствуете?

²⁰ Ривера-и-Орбанеха, Мигель (1870–1930) – титулованный аристократ, видный испанский военный и политический деятель. В 1923 году при правящем монархе установил так называемую бархатную диктатуру.

– Как я сюда попал?

– Вы дрыхли без задних ног. Вас принесли утром на носилках, и с тех пор вы отсыпались с бодуна.

Я ощупал карманы пиджака и убедился, что исчезли все деньги, которые были у меня при себе.

– Ну каков мир! – воскликнул оборванец, реагируя на новости, сообщенные газетой. – Известно ведь, что в самой тяжелой стадии кренинизма недостаток мыслей компенсируется идеологическим фанатизмом.

– Как отсюда выйти?

– Если вы так торопитесь... Есть две возможности – уйти совсем или на время. Уйти совсем можно с крыши: один смелый прыжок, и вы навсегда освободитесь от мирского несовершенства. А временный выход вон там, в глубине, где бродит тот дурень, ушибленный на голову. С него спадают штаны, и он по-революционному приветствует все, что попадается навстречу. Но если вы пойдете тем путем, то рано или поздно вернетесь обратно.

Человек с газетой смотрел на меня приветливо тем просветленным взором, какой порой бывает у сумасшедших.

– Это вы меня обокрали?

– Обижаете. Когда вас принесли, вы уже были чисты, как ребенок. Я принимаю только ценные бумаги, котирующиеся на бирже.

Я покинул лунатика с устаревшей газетой и прогрессивными взглядами и дальше бредить на лежаке. Голова все еще

кружилась. Я мог пройти прямо не больше четырех шагов кряду, да и то с большим трудом, но все же с грехом пополам добрался до двери в боковой стене гигантского подвала. От порога дверки начинались ступени. Наверху лестницы как будто брезжил слабый свет. Я сделал четыре или пять шагов и ощутил струю свежего воздуха, поступавшего сквозь проем, открывавшийся за последней ступенькой. Я вышел на волю и понял наконец, куда меня занесло.

Я стоял на крыше водоотстойника, возвышавшегося над аллеей парка Сюдадела. У моих ног лежал резервуар с водой. Солнце начинало спускаться по небосклону над городом, и вода, покрытая ряской, пошла волной, словно разлитое вино. Водосборник напоминал грубо сложенную крепость или тюрьму. Сооружение возвели, чтобы снабжать водой павильоны Всемирной выставки в 1888 году, однако со временем его чрево, походившее более всего на мирской собор, стало служить пристанищем нищим и умирающим, кому больше было негде преклонить голову с наступлением ночи или холодов. Большой резервуар с водой на асоте превратился в илистый и мутный пруд, необратимо мелевший, вытекая сквозь щели и трещины строения.

Вдруг я заметил фигуру человека, застывшего как статуя на краю асотеи. Он тотчас резко повернулся и посмотрел на меня, словно прикосновение моего взгляда его обожгло. Я еще чувствовал дурноту, но сквозь пелену, застилавшую глаза, мне почудилось, что незнакомец направился ко мне. Но

двигался он чересчур стремительно, как будто при ходьбе совсем не ступал по земле, а перемещался скачками, слишком быстрыми, чтобы глаз мог их уловить. Против света было почти невозможно различить его черты, но я все же рассмотрел, что у кабальеро черные сверкающие глаза, казавшиеся огромными, непропорционально большими на лице. По мере того как он приближался, усиливалось впечатление, что его фигура увеличивается, вырастая. Меня охватил озноб при его приближении, и я отпрянул, не осознавая, что отступаю к краю резервуара. Земля ушла из-под ног, и я начал падать навзничь в грязную воду пруда, но незнакомец успел удержать меня за руку. Он бережно вытянул меня и препроводил на сушу. Я опустился на одну из скамеек, что стояли вокруг водохранилища, и перевел дух. Подняв голову, я наконец ясно разглядел своего спасителя. Глаза у него оказались нормального размера, рост примерно таким же, как у меня, он ходил и двигался, как обычный человек. Выражение лица незнакомца было приветливым и умиротворяющим.

– Спасибо, – сказал я.

– Вы хорошо себя чувствуете?

– Да. Немного голова закружилась.

Незнакомец сел рядом. Он был в темной тройке из дорогой ткани, лацкан пиджака оживляла маленькая серебряная брошка – ангел с распростертыми крыльями, почему-то хорошо мне знакомый. Меня вдруг осенило, что присутствие

кабальеро в безупречной одежде на заброшенной асоте выглядит немного неуместным. Незнакомец, будто прочитав мои мысли, улыбнулся.

– Надеюсь, я не испугал вас, – промолвил он. – Полагаю, вы не рассчитывали застать кого-то здесь, наверху.

Я оторопело уставился на него и увидел свое отражение в его черных зрачках, расширившихся, словно чернильная клякса на бумаге.

– Можно узнать, что привело вас сюда?

– То же, что и вас: большие надежды.

– Андреас Корелли, – пробормотал я.

Его лицо просияло.

– Очень приятно встретиться наконец с вами лично, друг мой.

Он говорил с легким акцентом, происхождение которого я не смог определить. Инстинкт призывал меня встать и бежать с крыши со всех ног, пока незнакомец не успел сказать больше ни слова, но что-то в его интонации и выражении глаз располагало к спокойствию и внушало доверие. Я предпочел не задаваться вопросом, как он узнал, что меня можно застать в этом странном месте, тогда как я сам не подозревал, где нахожусь. Музыка его слов и свет глаз словно вернули мне силы. Я протянул руку, и он пожал ее. Его улыбка сулила потерянный рай.

– Думаю, мне следует поблагодарить вас за многочисленные знаки внимания, которые вы оказывали мне на протя-

жении многих лет, сеньор Корелли. Боюсь, я у вас в долгу.

– Нисколько. Это я в долгу перед вами, мой друг. К тому же мне полагается извиниться за то, что я навязываюсь вам таким образом, в неподходящем месте и в неудачный момент, но, признаюсь, я уже давно хотел поговорить с вами, и все не выпадало удобного случая.

– И чем же я могу быть вам полезен? – спросил я.

– Я хочу, чтобы вы работали на меня.

– Простите?

– Я хочу, чтобы вы писали для меня.

– Разумеется. Я забыл, что вы издатель.

Иностранец рассмеялся. Смех у него был беззаботный, точно у невинного ребенка, ни разу не разбившего ни одной тарелки.

– Лучший из всех. Издатель, какого вы ждали всю жизнь. Издатель, который подарит вам бессмертие.

Незнакомец протянул мне одну из своих визиток: точно такую же я нашел в своей руке, воспрянув от наваждения с Хлое, и хранил до сих пор.

Андреас Корелли

Книгоиздатель

Издательство «Люмьер»

Бульвар Сен-Жермен, 69. Париж

– Я весьма польщен, сеньор Корелли, но, к большому сожалению, не в состоянии принять предложение. У меня подписан контракт с...

– Барридо и Эскобильясом, я знаю. Не желая никого обидеть – сброд, с которым вам лучше не иметь никаких дел.

– Подобное мнение разделяют многие.

– Сеньорита Сагниер, например?

– Вы с ней знакомы?

– Понаслышке. Уважение и восхищение такой женщины очень трудно завоевать, не так ли? Неужели вы не хотите ради нее бросить эту парочку паразитов и быть верным самому себе?

– Все не так просто. Я связан условиями контракта, срок действия которого истекает лишь через шесть лет.

– Знаю, но о контракте вам не стоит беспокоиться. Мои адвокаты изучают проблему. Уверяю вас, что найдется немало формулировок, чтобы расторгнуть окончательно любые юридические обязательства, в случае если вы согласитесь принять предложение.

– И в чем конкретно состоит ваше предложение?

Корелли улыбнулся, лукаво и плутовато, как школьник, который выдает страшный секрет и наслаждается своей ролью.

– Вы посвятите один год исключительно работе над книгой, книгой на заказ. Ее тему мы обговорим в контракте, который подпишем. За эту книгу я заплачу вам авансом сто тысяч франков.

Я ошеломленно посмотрел на него.

– Если названная сумма кажется вам недостаточной, я го-

тов рассмотреть ту, которую вы сами сочтете уместной. Откровенно говоря, сеньор Мартин, я не намерен ссориться с вами из-за денег. И, между нами, думаю, вы также не станете делать ничего подобного. Не сомневаюсь, как только я объясню, какого рода книгу я хочу, чтобы вы написали, вас устроит и более скромная сумма.

Я вздохнул и посмеялся про себя.

– Вижу, вы мне не верите.

– Сеньор Корелли, я – автор приключенческих романов, которые выходят даже не под моим именем. Издатели – вы их как будто хорошо знаете – парочка мелких мошенников, которые доброго слова не стоят, а читатели даже не подозревают о моем существовании. Я много лет зарабатываю на хлеб ремеслом литератора и до сих пор не написал ни одной страницы, которая меня удовлетворяла бы. Любимая женщина считает, что я растрачиваю жизнь попусту, и она права. Она также считает, будто я не имею права желать ее, поскольку мы – жалкие ничтожества, чей смысл жизни заключается в том, чтобы выплатить дань благодарности человеку, вытащившему нас обоих из нищеты, и в этом она, возможно, тоже права. Не имеет значения. Очень скоро мне исполнится тридцать, о чем даже не хочется думать, и я прекрасно осознаю, что с каждым днем я все меньше похожу на человека, каким хотел стать в пятнадцать. При условии, конечно, что я доживу до тридцатилетия, поскольку мое здоровье в последнее время оставляет желать лучшего, как и плоды моего тру-

да. На сегодняшний день я могу праздновать, если составлю одно-два удобочитаемых предложения за час. Вот такой из меня получился писатель и человек. Не из тех, кого навещают парижские издатели с незаполненным банковским чеком, чтобы заказать книгу, которая изменит всю жизнь и позволит осуществить несбывшиеся надежды.

Корелли смотрел на меня серьезно, взвешивая мои слова.

– Мне кажется, вы судите себя слишком строго, что всегда является признаком, отличающим стоящего человека. Поверьте, за свою долгую карьеру я встречал бесконечное множество типов, не стоивших вашего плевка, и тем не менее они были весьма высокого мнения о своей персоне. Однако я хочу сказать, хотя вы мне и не верите, что я превосходно представляю, какой вы писатель и человек. Вам известно, что я много лет неустанно наблюдал за вами. Я читал все, от первого рассказа, написанного вами для газеты «Голос индустрии», до «Тайн Барселоны». И теперь я читаю каждый новый выпуск романа-серии Игнатиуса Б. Самсона. Осмелюсь заметить, что я изучил вас лучше, чем изучили себя вы сами. И потому я знаю, что в итоге вы примете мое предложение.

– Что еще вы знаете?

– Я знаю, что у нас есть кое-что, а скорее очень много общего. Знаю, что вы рано остались без отца, и я тоже. Я знаю, что значит потерять отца в том возрасте, когда он еще нужен. Вы лишились своего при трагических обстоятельствах. Мой же отверг меня и выгнал из дома по причинам, которые к

делу не относятся. Довольно сказать лишь, что это, пожалуй, еще больнее. Я знаю, что вы чувствуете себя одиноким. И поверьте, я испытал в полной мере чувство одиночества. Я знаю, что вы лелеяли в сердце большие надежды и ни одна из них не нашла воплощения. И я знаю также, что это убивает вас день за днем, пусть вы не отдаёте себе в том отчета.

За его речью последовало долгое молчание.

– Вы много знаете, сеньор Корелли.

– Достаточно, чтобы мне захотелось познакомиться с вами поближе и стать вашим другом. Думаю, у вас мало друзей. И у меня тоже. Я не доверяю людям, утверждающим, что у них много друзей. Это означает всего-навсего, что они плохо разбираются в ближних.

– Но вы не ищете себе друга, а нанимаете работника.

– Я ищу временного компаньона. Я ищу вас.

– Вы слишком самоуверенны. – Я рискнул высказаться откровенно.

– Врожденный дефект, – отозвался Корелли, вставая со скамейки. – А другой – ясновидение. А потому я осознаю, что, возможно, для вас все случилось чересчур неожиданно и вам недостаточно услышать правду из моих уст. Вам необходимо увидеть ее собственными глазами, прочувствовать всем существом. Поверьте, вы ее прочувствуете.

Он протянул мне руку и не убирал до тех пор, пока я не пожал ее.

– Могу я по крайней мере тешить себя надеждой, что вы

подумаете над моими словами и позднее мы вернемся к теме? – спросил он.

– Не знаю, что ответить, сеньор Корелли.

– Не отвечайте ничего пока. Обещаю, что, когда мы встретимся вновь, ваше зрение прояснится.

С этими словами он сердечно мне улыбнулся и направился к лестнице.

– А будет новая встреча? – поинтересовался я.

Корелли остановился и повернулся.

– Всегда бывает новая встреча.

– Где?

Последние лучи солнца озарили город, и его глаза вспыхнули, как раскаленные угли.

Я наблюдал, как Корелли исчезает в дверном проеме, за которым начинался спуск вниз. И только тогда меня вдруг осенило, что за время разговора он ни разу не моргнул, во всяком случае, я этого не заметил.

Клиника располагалась на верхнем этаже здания. С высоты открывался вид на море, сверкающее в отдалении, и крутой спуск улицы Мунтанер. Ее пунктиром прочерчивали трамваи, скользившие к Энсанче между большими и величественными зданиями. В клинике пахло чистотой. Тщательно продуманный интерьер отличался безупречным вкусом. На картинах были изображены сплошь безмятежные пейзажи, сулившие надежду и умиротворение. На полках стояли солидные издания, вызывавшие чувство почтения. Медсестры ступали с плавной легкостью балерин и улыбались, порхая мимо. Клиника выглядела как чистилище для тугих кошельков.

– Доктор сейчас примет вас, сеньор Мартин.

Доктор Триас держался с достоинством патриция. Его безукоризненная внешность внушала спокойствие и доверие каждой черточкой: серые пронизательные глаза за стеклами пенсне, дружелюбная вежливая улыбка без намека на веселье. Доктор Триас привык вести поединок со смертью, и чем больше он улыбался, тем становилось страшнее. Его обращение со мной – то, как он меня встретил и усадил, – наводило на мысли о скором конце. Правда, всего несколько дней назад, когда я начал проходить обследование, он подробно рассказывал о новейших достижениях в области науки и ме-

дицины, вселявших надежду на успех в борьбе с болезнью, симптомы которой я описывал. Из его слов я мог сделать вывод, что сам он лично в благополучном исходе не сомневался.

– Как ваши дела? – спросил он, переводя взгляд с меня на папку, лежавшую на столе.

– Это вы мне скажите.

Он наградил меня бесстрастной улыбкой хорошего игрока в покер.

– Сестра упомянула, что вы писатель. Но я вижу, заполняя анкету в истории болезни, вы указали, будто являетесь служащим.

– В моем случае это одно и то же.

– Наверное, некоторые из моих пациентов – ваши читатели.

– Надеюсь, их нервная система не пострадала непоправимо.

Доктор улыбнулся, словно нашел мое замечание остроумным, и принял деловой вид, давая понять, что предварительные светские любезности закончены и пора побеседовать о главном.

– Как я вижу, вы пришли один, сеньор Мартин. У вас есть близкие родственники? Жена? Братья? Родители, которые здравствуют поныне?

– Звучит мрачновато, – отозвался я.

– Сеньор Мартин, я не хочу вас обманывать. Результаты

первых анализов далеко не такие обнадеживающие, как мы рассчитывали.

Я молча смотрел на него. Я не почувствовал ни страха, ни тревоги. Я не почувствовал ничего.

– Все указывает на то, что у вас опухоль, расположенная в левой доле головного мозга. Анализы подтверждают те опасения, которые вызывают описанные вами симптомы. Есть серьезные основания предполагать, что речь идет о карциноме.

На миг я лишился дара речи. Я даже не был способен изобразить удивление.

– Как давно она образовалась?

– Невозможно установить точно, но осмелюсь предположить, что новообразование развивается довольно давно, и это полностью объясняет симптомы, которые вы перечислили, как и проблемы с работоспособностью, с чем вам пришлось столкнуться в последнее время.

Я глубоко вздохнул, пытаясь смириться с судьбой. Доктор наблюдал за мной с выражением бесконечного терпения и сочувствия, давая мне время свыкнуться со страшным известием. Я пытался заговорить, но слова не шли с губ. Наконец наши взгляды скрестились.

– Итак, я в ваших руках доктор. Скажите же, какой курс лечения я должен пройти.

Я увидел, как его глаза наполняются отчаянием, ибо он только теперь осознал, что я не хочу понимать истинного

значения его приговора. Я вновь сделал попытку принять неизбежное, борясь с тошнотой, подкатившей к горлу. Доктор налил стакан воды из графина и протянул мне. Я выпил воды и спросил:

– Лечения не существует?

– Существует. Есть множество средств, с помощью которых мы в состоянии облегчить боль и обеспечить вам максимальный комфорт и покой...

– Но я умру.

– Да.

– Скоро?

– Возможно.

Я улыбнулся про себя. Даже самые скверные новости приносят облегчение, если они всего лишь подтверждают нечто, что человек давно знал в глубине души или интуитивно чувствовал.

– Мне двадцать восемь лет, – промолвил я, не понимая, зачем я говорю это.

– Сожалею, сеньор Мартин. Я был бы счастлив сообщить вам совсем другие новости.

И у меня возникло ощущение, что он все-таки сознался во лжи или простительном грехе и что раскаяние не дает покоя, мешает, точно соринка, попавшая в глаз.

– Сколько времени мне осталось?

– Трудно предсказать точно. Я бы назвал год, самое большее – полтора.

Тонот он ясно давал понять, что оглашенный им прогноз весьма оптимистический.

— И какую часть этого года, или сколько там получится, я буду, по вашему мнению, в состоянии работать и самостоятельно себя обслуживать?

— Вы писатель и занимаетесь умственной работой. К сожалению, болезнь гнездится именно в голове, и именно тут мы прежде всего столкнемся с ограничениями.

— Ограничения — не медицинский термин, доктор.

— Обычно по мере развития болезни симптомы, беспокоившие вас прежде, начнут проявляться чаще и в более тяжелой форме. И начиная с определенного момента вам придется лечь в больницу, чтобы мы могли позаботиться о вас должным образом.

— Я не смогу писать.

— Вам даже в голову не придет писать.

— Сколько времени?

— Не знаю. Девять или десять месяцев. Возможно, больше или меньше. Мне очень жаль, сеньор Мартин.

Я кивнул и встал. У меня дрожали руки, и не хватало воздуха.

— Сеньор Мартин, я понимаю, что вам требуется время, чтобы осмыслить все, что я вам сказал, но очень важно принять меры как можно скорее...

— Мне нельзя пока умирать, доктор. Еще рано. Мне нужно многое сделать. А потом у меня будет вся жизнь, чтобы

умереть.

В тот же вечер я поднялся в кабинет в башне и уселся за пишущую машинку, хотя и знал, что опустошен полностью. Окна были распахнуты настежь, но Барселона больше не хотела верить мне тайны, и я не мог написать ни страницы. Что бы я ни сочинял, все мне казалось пустым и банальным. Достаточно было один раз перечитать текст, чтобы понять, что он не стоил потраченных на него чернил. Я больше не слышал музыки слов, которой исполнены лучшие образцы прозы. Постепенно, подобно медленно действующей сладостной отраве, речи Андреаса Корелли начали овладевать моим сознанием.

Мне требовалось написать не меньше сотни страниц, чтобы закончить энный выпуск романа-серии в стиле приключений Рокамболя, не дававшей опустеть карманам Барридо и Эскобильяса. Но именно в тот момент я понял, что не намерен его заканчивать. Игнатиус Б. Самсон остался лежать на рельсах под трамваем, выдохшийся и обескровленный, иссушив душу до дна, выплескивая ее на страницы, которым не стоило появляться на свет. Однако перед уходом он завещал мне выполнить свою последнюю волю: тихо похоронить его без лишних церемоний и, набравшись мужества, впервые в жизни заговорить своим голосом. В наследство он передал мне свою обширную коллекцию грез и призраков и просил

отпустить его с миром, ибо он родился, чтобы кануть в Лету.

Я собрал рукопись последнего романа и предал ее огню, ощущая, как легче становится на душе с каждой страницей, сгоравшей в ярком пламени. Влажный теплый ветер гулял в ту ночь по крышам. Ворвавшись в открытые окна, он унес пепел Игнатиуса Б. Самсона и развеял по улицам старого города, где его дух будет обитать вечно, даже когда написанные им строки забудутся навсегда и само имя сотрется из памяти самых преданных читателей.

На другой день я пришел в контору Барридо и Эскобильяса. В приемной сидела новая девушка (почти девочка), и она меня не узнала.

– Ваше имя?

– Гюго, Виктор.

Девушка улыбнулась и поспешила предупредить Эрминию, связавшись с ней через коммутатор:

– Донья Эрминия, дон Виктор Гюго к сеньору Барридо.

Я видел, как она закивала и разъединилась.

– Она сказала, что немедленно выйдет.

– Ты давно здесь работаешь? – спросил я.

– Неделю, – с готовностью ответила девушка.

Если я не ошибся, это была восьмая по счету барышня из сменившихся в приемной Барридо и Эскобильяса за год. Служащие издательства, подчинявшиеся непосредственно ушедшей Эрминии, задерживались ненадолго. Отрава, обнаружив, что у новых сотрудниц найдется побольше пядей во

лбу, и опасаясь, что ее могут оттеснить в тень (а происходило это в девяти случаях из десяти), обвиняла секретарш в воровстве, мелких недостатках или чудовищных проступках. Она объявляла крестовый поход и не успокаивалась до тех пор, пока Эскобильяс не выбрасывал девушек на улицу. Напоследок она угрожала уволенной работнице подослать наемных убийц, если та осмелится открыть рот.

– Как приятно видеть тебя, Давид, – сказала Отрава. – А ты похорошел. Прекрасно выглядишь.

– Это потому, что меня переехал трамвай. Барридо на месте?

– Что за вопрос? Для тебя он всегда на месте. Он очень обрадуется, когда я скажу, что ты заглянул к нам.

– Ты даже не представляешь как.

Отрава проводила меня в кабинет Барридо, обставленный как палата опереточного канцлера, поражая изобилием ковров, бюстов императоров, чучел животных и книг в кожаных переплетах, закупленных оптом, из чего я заключил, что в обложки, должно быть, вставлены чистые листы. Барридо одарил меня самой масляной из своих улыбок и пожал руку.

– Нам уже не терпится получить новый выпуск. Имейте в виду, что мы переиздаем два последних и у нас их отрывают с руками. Пять тысяч экземпляров дополнительно. Что вы об этом думаете?

Я подумал, что речь идет скорее всего о пятидесяти тысячах, не меньше, но только кивнул без особого воодушевления.

ния. Барридо и Эскобильяс виртуозно овладели трюком, известным в гильдии барселонских издателей как двойной тираж. С каждого издания печатался официальный и заявленный тираж в несколько тысяч экземпляров, с которых выплачивалась смехотворная доля прибыли автору. Затем, если книга имела успех, делали полноценный и подпольный тираж в десятки тысяч экземпляров, нигде не задекларированный, с которого автору не перепало ни песеты. Дополнительный тираж мог отличаться от первого, поскольку Барридо организовал тайную типографию на старом колбасном заводе в Санта-Перпетуа-де-Могода. Когда такую книгу открывали, она издавала характерный запах хорошо прокопченных чорисо²¹.

– Боюсь, у меня плохие новости.

Барридо и Отрава переглянулись, причем сияние их улыбок нисколько не потускнело. На сцене возник Эскобильяс, материализовавшись в дверях. Он окинул меня взглядом с таким холодным и хмурым видом, как будто на глазок снимал мерку для гроба.

– Смотри, кто к нам пожаловал. Какой приятный сюрприз, верно? – спросил Барридо компаньона. Тот ограничился сухим кивком.

– И что это за плохие новости? – спросил Эскобильяс.

– Вы немного задерживаетесь, Мартин? – дружелюбно подсказал Барридо. – Не сомневаюсь, что мы можем ула-

²¹ Испанская колбаса.

дить...

– Нет. Никакой задержки. Книги попросту не будет.

Эскобияс подался вперед и вскинул брови. Барридо издал короткий смешок.

– Почему же книги не будет? – пожелал прояснить вопрос Эскобияс.

– Потому что вчера я сжег ее и не сохранилось ни страницы рукописи.

В комнате установилось плотное молчание. Барридо сделал примирительный жест и указал на изделие, называвшееся креслом для посетителей, – мрачноватый глубокий трон, куда загоняли авторов и поставщиков, чтобы они оказывались на уровне глаз Барридо.

– Сядьте, Мартин, и расскажите по порядку. Вас что-то беспокоит, это заметно. Ничего не скрывайте от нас, мы ведь близкие люди.

Отрава и Эскобияс убежденно закивали, выражая степень своего одобрения взглядом, исполненным восторженной преданности. Я предпочел не садиться. Остальные тоже стояли и смотрели на меня с таким выражением, словно я был соляной статуей, которая вот-вот должна заговорить. У Барридо, наверное, сводило челюсти от лучезарной улыбки, не сходившей с лица.

– Ну?

– Игнатиус Б. Самсон покончил с собой. Он оставил неизданный рассказ на двадцать страниц, где он умирает в об-

нимку с Хлое Перманиер после того, как оба приняли яд.

– Автор погибает в одном из собственных романов? – в смятении переспросила Эрминия.

– В своем прощании в стиле *avant-garde* с миром сериальной литературы. Он не сомневался, что подобного рода пассаж вам придется по душе.

– Но неужели же нет никакого противоядия или?.. – взмолилась Отрава.

– Мартин, нет нужды напоминать, что именно вы, а не гипотетически покойный Игнатиус, подписали контракт... – обронил Эскобильяс.

Барридо вскинул руку, призывая компаньона замолчать.

– Мне кажется, я понимаю, что происходит, Мартин. Вы вымотаны. В течение многих лет вы не знали ни отдыха, ни покоя, и это обстоятельство наша фирма высоко ценит и приветствует. Конечно, вам нужна передышка. Я понимаю. Мы все понимаем, правда?

Барридо бросил взгляд на Эскобильяса и Отраву, и те снова закивали с соответствующим случаю выражением лица.

– Вы художник, вам хочется создавать произведения искусства, делать высокую литературу, нечто, что идет от сердца и благодаря чему ваше имя будет выведено золотыми буквами на скрижалях всемирной истории.

– В ваших устах это звучит почти смешно, – заметил я.

– Потому что так оно и есть, – вставил Эскобильяс.

– Нет, совсем нет, – перебил Барридо. – Это по-человече-

ски объяснимо. А мы гуманны. Я, мой компаньон и Эрминия. Она же, будучи женщиной и существом редкой чувствительности, самая гуманная из нас всех. Правда, Эрминия?

– Гуманнейшая, – подтвердила Отрава.

– А так как мы гуманны, мы вас понимаем и хотим поддержать. Мы ведь гордимся вами и убеждены, что наш успех зависит от вашего, и, кроме того, в нашей фирме прежде всего отдают должное людям, а не цифрам.

Завершив фразу, Барридо сделал драматическую паузу. Возможно, он ожидал, что я взорвусь рукоплесканиями. Но так как я не пошевелился, он поспешил продолжить речь:

– Поэтому я хочу предложить следующее: возьмите полгода или девять месяцев, если необходимо – все же роды есть роды, – запрячьтесь в кабинете и пишите главный труд своей жизни. Закончив роман, принесите его нам, и мы опубликуем его под вашим именем, костями ляжем, поставим на карту все. Ведь мы на вашей стороне.

Я перевел взгляд с Барридо на Эскобильяса. Отрава готова была разрыдаться от полноты чувств.

– Разумеется, никакого аванса, – уточнил Эскобильяс.

Барридо взволнованно взмахнул рукой:

– Итак, что скажете?

Я приступил к работе в тот же день. Мой план был прост как дважды два: днем переписывать книгу Видаля, а ночью работать над собственной. Я собирался наточить и отполи-

ровать до блеска убогий арсенал средств, которым меня вооружил Игнатиус Б. Самсон, и заставить его послужить тому немногому достойному и благородному, что еще оставалось в душе – если там что-то сохранилось. Я писал из благодарности, от отчаяния и во имя тщеславия. Я писал в первую очередь для Кристины, чтобы доказать ей, что я способен заплатить долг Видалю и что Давид Мартин, хоть и стоя на краю могилы, заслужил право смотреть ей в глаза, не стыдясь своих смешных надежд.

Я не пошел больше в клинику доктора Триаса. Я не видел в том необходимости. В день, когда наступит конец и я не смогу ни написать, ни даже придумать ни одной строчки, я пойму это первым. Мой верный и не слишком разборчивый аптекарь исправно снабжал меня пилюлями с кодеином, сколько бы я ни попросил, а иногда кое-каким десертом, от которого огнем занималась кровь, точно взрывом динамита сметало боль, уносило сознание. Я никому не рассказал о посещении врача и результатах анализов. Основные мои нужды удовлетворялись еженедельной доставкой продуктов (по моему распоряжению) из крупнейшего торгового центра бакалейных товаров «Кан Хисперт», находившегося на улице Миральерс, за церковью Санта-Мария-дель-Мар. Заказывал я всегда один и тот же набор. Его обычно приносила дочь хозяев, девушка, смотревшая на меня, как перепуганная кабарга, когда я приглашал ее зайти в прихожую и подождать,

пока ищу деньги, чтобы расплатиться.

– Это твоему отцу, а вот это тебе.

Я всегда давал ей десять сентимов чаевых, и она молча их принимала. Каждую неделю девочка доставляла заказ и звонила в мою дверь, и каждую неделю я вручал ей причитающуюся плату и десять сентимов на чай. Я не знал, как ее зовут, и не помнил лица, вспоминая его, лишь когда девочка снова появлялась на пороге. Но в течение девяти месяцев и одного дня (ровно столько времени отняла у меня работа над единственной книгой, которой суждено выйти под моим собственным именем) девушка из бакалейного магазина была единственным человеком, с кем я встречался сравнительно часто.

Кристина внезапно, не предупредив меня, перестала приходить по вечерам. Я начал опасаться, что Видаль разгадал нашу хитрость, но однажды вечером, дожидаясь ее (она отсутствовала почти неделю), я открыл дверь, полагая, что пришла Кристина, и оказался лицом к лицу с Пепом, парнем, служившим на вилле «Гелиос». Он принес посылку от имени Кристины, тщательно запечатанную, содержащую полную рукопись книги Видаля. Пеп поделился со мной новостями. Оказалось, что отец Кристины страдал аневризмой и сделался почти инвалидом. Кристина отвезла его в санаторий в Пуигсерде, в Пиренеях, где, по слухам, одному молодому доктору удавалось лечить подобные заболевания.

– Обо всем позаботился сеньор Видаль, – добавил Пеп. –

Не считаясь с расходами.

Видадь никогда не оставлял в беде слуг, не без горечи подумал я.

– Она попросила передать вам это лично в руки. И никому ничего не говорить.

Юноша вручил мне посылку, радуясь, что избавился от загадочного предмета.

– Она оставила какой-нибудь адрес, чтобы связаться с ней, если потребуется?

– Нет, сеньор Мартин. Я знаю только, что отец сеньориты Кристины лечится в больнице под названием «Вилла Сан-Антонио».

Несколько дней спустя Видадь нанес мне один из своих импровизированных визитов и просидел у меня весь вечер, потягивая мой анис, покуривая мои папиросы и рассказывая о несчастье, постигшем его шофера.

– Невозможно поверить. Мужчина крепкий, как дуб, и вдруг в одно мгновение падает замертво и уже даже не помнит, кто он есть.

– Как Кристина?

– Можешь представить. Ее мать умерла много лет назад, и Мануэль – единственный близкий ей человек. Она взяла с собой альбом с семейными фотографиями и показывает их бедняге в надежде, что память вернется к нему.

Видадь разглагольствовал, а тем временем его роман (а правильное было бы сказать, мой роман) лежал стопкой на

кофейном столе в галерее, перевернутый лицевой стороной вниз, в каком-то полуметре от его рук. Он сообщил, что остался без шофера из-за болезни Мануэля и настоял, чтобы Пеп овладел искусством вождения. Пеп считался неплохим наездником, но за рулем юноша в настоящий момент был сушей катастрофой.

– Дайте ему время. Автомобиль не лошадь. Секрет науки в практике.

– Коли ты об этом упомянул... Мануэль ведь научил тебя водить, не так ли?

– Чуть-чуть, – признался я. – И это не так просто, как кажется.

– Если твой новый роман не будет продаваться, ты всегда сможешь поступить ко мне шофером.

– Мы еще не похоронили несчастного Мануэля, дон Педро.

– Неудачное замечание, – согласился Видадь. – Прошу прощения.

– А как продвигается ваш роман, дон Педро?

– Полным ходом. Кристина увезла в Пуигсерду окончательный вариант, чтобы откорректировать и привести его в божеский вид, пока ухаживает за отцом.

– Приятно слышать, что вы довольны.

Видадь торжествующе улыбнулся.

– Кажется, это будет нечто грандиозное, – сказал он. – Я столько месяцев мучился оттого, что все ужасно, а недавно

перечитал первые пятьдесят страниц, которые Кристина перепечатала набело, и сам себе поразился. Думаю, тебя книга тоже удивит. Все-таки я еще могу тебя кое-чему научить.

– Никогда в том не сомневался, дон Педро.

В тот вечер Видадь пил больше обычного. За много лет я научился распознавать все оттенки его настроения, замечать внутреннее беспокойство и безошибочно угадывал, когда он старался о чем-то умолчать. Мне показалось, он пришел неспроста. Когда запасы аниса были исчерпаны, я налил ему изрядную порцию бренди и стал ждать.

– Давид, есть вещи, о которых мы с тобой никогда не говорили...

– О футболе, например.

– Я серьезно.

– Я вас слушаю.

Он одарил меня долгим взглядом, словно его одолевали сомнения.

– Я всегда старался быть тебе добрым другом, Давид. Ты ведь это понимаешь, правда?

– Вы давали мне намного больше, дон Педро. Я это знаю, и вы тоже знаете.

– Порой я задумываюсь, может, мне следовало вести с тобой более честную игру.

– В каком смысле?

Видадь принялся рассматривать дно бокала с бренди.

– Существуют обстоятельства, о которых я тебе не расска-

зывал, Давид. И о них мне, наверное, стоило сообщить тебе много лет назад...

Я выдержал паузу, короткую паузу, длившуюся вечность. О чем бы Видаля ни порывался мне рассказать, было ясно, что все бренди на свете не способно склонить его к исповеди.

– Не беспокойтесь, дон Педро. Дело вытерпело годы, значит, до завтра терпит точно.

– Завтра у меня, возможно, не хватит мужества сказать тебе.

Я вдруг сообразил, что впервые он предстает передо мной таким испуганным и потерянным. Что-то терзало его, лежало камнем на душе, и мне стало тягостно видеть его в столь мучительном затруднении.

– Давайте поступим так, дон Педро. Когда опубликуют и вашу книгу, и мою, мы встретимся, чтобы выпить за это, и вы расскажете мне все, что сочтете нужным. Вы пригласите меня в какой-нибудь дорогой изысканный ресторан, куда меня не пустили бы без вас, и вы сделаете любые признания, какие вам захочется. Идет?

Ближе к ночи я проводил Видаля до бульвара Борн. Там, опираясь на крыло «испано-суисы», его дождался Пеп, облаченный в униформу Мануэля, которая была ему велика размеров на пять, как и сам автомобиль. Кузов представлял собой печальное зрелище, испещренный царапинами и вмятинами, по виду совсем свежими.

– Облегченной рысью, да, Пеп? – посоветовал я. – Ни в

коем случае не галопом. Медленно, но верно, как будто на першероне.

– Так точно, сеньор Мартин. Медленно, но верно.

На прощание Видадь крепко обнял меня. Когда он садился в машину, мне показалось, что он несет на плечах тяжесть земного шара.

Наконец я поставил точку в романе Видаля и одновременно закончил собственный. Через несколько дней ко мне домой без предупреждения явился Пеп. В униформе, унаследованной от Мануэля, он выглядел ребенком в маршальском мундире. В первый миг я вообразил, что он принес мне весточку от Видаля или даже от Кристины. Но я отверг эту мысль, как только наши взгляды встретились. Судя по его мрачному виду, он был чем-то очень встревожен.

– Плохие новости, сеньор Мартин.

– Что случилось?

– Это сеньор Мануэль.

Голос у него несколько раз срывался, пока он говорил, и когда я предложил ему воды, Пеп едва не разрыдался. Мануэль Сагниер скончался три дня назад в санатории Пуигсерды после продолжительной агонии. По желанию дочери он был похоронен накануне на маленьком кладбище у подножия Пиренеев.

– Боже мой, – прошептал я.

Вместо воды я дал Пепу рюмку выдержанного бренди и усадил в кресло на галерее. Немного успокоившись, Пеп объяснил, что Видаль послал его встретить Крестину. Она возвращалась сегодня днем на поезде, прибывавшем по расписанию в пять часов.

– Представляете, в каком состоянии сеньорита Кристина... – пробормотал он. Его удручала необходимость выступить в роли человека, которому придется выражать ей соболезнования и утешать по пути в маленькую квартирку над каретным сараем виллы «Гелиос», где она с детства жила с отцом.

– Пеп, мне кажется, тебе не стоит ехать на вокзал встречать сеньориту Сагниер.

– Приказ дона Педро...

– Передай дону Педро, что я беру ответственность на себя.

Порция бренди и красноречие помогли. Он уехал, предоставив действовать мне. Я пообещал сам встретить Кристину и привезти на виллу «Гелиос» на такси.

– Спасибо вам, сеньор Мартин. Уж вам-то лучше знать, как успокоить бедняжку.

Без четверти пять я шагнул по направлению к новому зданию Французского вокзала. Его недавно открыли с большой помпой. Всемирная выставка²², обогатила город россыпью чудес. Но лично мне больше всех нравился этот свод из стекла и стали, похожий на купол кафедрального собора. Воз-

²² Речь идет о Всемирной выставке 1929 года, состоявшейся в Барселоне. К открытию выставки на северной части холма был построен обширный комплекс, включая Национальный дворец, павильон выставок, Дворец нации, Волшебные фонтаны и знаменитую Испанскую деревню. Также были реконструированы и возведены многие здания в старых кварталах города. Созданные в тот период архитектурные комплексы и сооружения составляют неотъемлемую часть облика Барселоны и относятся к числу ее достопримечательностей.

можно, правда, дело было лишь в том, что он находился недалеко от моего дома и я любовался им из окна кабинета в башне. На небе в тот день теснились черные тучи, набегавшие с моря и зависавшие над городом. Отдаленные раскаты грома, зарницы на горизонте и горячий ветер, пропитанный запахом пыли и насыщенный электричеством, предвещали сильную летнюю грозу. Когда я подошел к вокзалу, на землю упали первые капли дождя, крупные, сверкающие, словно с неба посыпались серебряные монеты. Не успел я выйти на перрон, чтобы встретить поезд, как на сводчатую крышу платформы обрушились потоки дождя. Сгустились сумерки, будто внезапно наступила ночь. Темноту поминутно прорезали вспышки яркого света – молнии сверкали над городом под аккомпанемент громовых разрядов, отголосков неистовой ярости стихии.

Локомотив прибыл почти с часовым опозданием. Змеей стелился по земле пар, с трудом проползая сквозь бурю. Я занял позицию в голове состава, чтобы не прозевать Кристину в толпе путешественников, уже начавших выходить на платформу. Через десять минут все пассажиры разошлись, а она так и не появилась. Я уже готов был возвратиться домой, подумав, что Кристина не приехала этим поездом, но в последний момент решил на всякий случай проверить, прогулявшись по перрону и внимательно заглядывая в окна купе. Я нашел ее в предпоследнем вагоне. Она сидела, прислонившись головой к стеклу, с отсутствующим взглядом. Я за-

брался в вагон и остановился на пороге купе. Услышав шаги, Кристина повернулась и посмотрела на меня без удивления, слабо улыбнувшись. Потом встала и молча обняла.

– С приездом, – сказал я.

Багажа у Кристины было не много – всего один чемоданчик. Я взял ее за руку, и мы вышли на опустевший перрон. По пути к залу ожидания никто из нас не произнес ни слова. У выхода мы остановились. Дождь лил как из ведра, и вереница такси у здания вокзала, которую я видел час назад, растаяла бесследно.

– Я не хочу сегодня возвращаться на виллу «Гелиос», Давид. Пока не хочу.

– Ты можешь пожить у меня, или мы поищем тебе номер в гостинице.

– Я не хочу оставаться одна.

– Поехали домой. Чего-чего, а свободных комнат у меня в избытке.

Я заметил носильщика, увлеченно наблюдавшего за грозой. В руках он держал огромный зонт. Я приблизился к нему и предложил за зонт сумму, в пять раз превышавшую его реальную цену. Носильщик отдал мне покупку, упаковав ее в угодливую улыбку.

Спрятавшись под зонтом, мы отважились пуститься в путь под проливным дождем, взяв курс на дом с башней. Шквальный ветер и глубокие лужи сделали свое дело: через десять минут мы добрались до цели, промокнув до нит-

ки. Из-за грозы уличное освещение не работало, и улицы затопила вязкая темнота, прочерченная пунктиром масляных фонарей и подвесных светильников, болтавшихся под козырьками балконов и подъездов. Я не сомневался, что чудовищная электропроводка у меня дома приказала долго жить в числе первых. Нам пришлось подниматься по лестнице на ощупь. Когда дверь жилого этажа открылась, пахнуло гарью, отчего дом показался самым унылым и негостеприимным местом на земле.

– Если ты передумала и предпочитаешь, чтобы мы искали гостиницу...

– Нет, все в порядке. Не беспокойся.

Я поставил чемодан Кристины на пол в прихожей и отправился на кухню за коробкой со свечами и спичками, которые хранил в чулане. Я принялся зажигать свечи одну за другой, закрепляя их на блюдцах, в стаканах и в рюмках. Кристина наблюдала за моими действиями, стоя в дверях.

– Одна минута, – заверил я ее. – У меня богатый опыт.

Я распределил свечи по комнатам, поставил их в коридоре и по углам, так что вскоре весь дом погрузился в неплотные золотистые сумерки.

– Похоже на собор, – сказала Кристина.

Я проводил ее в одну из спален, которой никогда не пользовался, но содержал в чистоте и порядке на тот случай, если Видаль, выпив слишком много, чтобы возвращаться к себе во дворец, останется переночевать.

– Сейчас принесу чистые полотенца. Если тебе не во что переодеться, могу предложить обширный и легкомысленный гардероб в стиле *Belle Époque*²³, оставленный в шкафах прежними владельцами.

Неуклюжие потуги шутить не вызвали у нее ни тени улыбки, она просто кивнула. Я усадил Кристину на кровать и помчался за полотенцами. Когда я вернулся, она неподвижно сидела на прежнем месте. Я положил рядом с ней на постель стопку полотенец и от порога передвинул поближе пару свечей, чтобы ей стало чуточку светлее.

– Спасибо, – прошептала она.

– Пока ты переодеваешься, я согрею тебе бульон.

– Я не голодна.

– В любом случае горячее тебе не повредит. Если что-то понадобится, скажи.

Я оставил Кристину одну и направился к себе, чтобы снять мокрые ботинки. Поставив воду на огонь, я уселся в галерее и стал ждать. Ливень не унимался, дождевые струи барабанили в окна и бурным потоком неслись по водосточным трубам башни и плоской крыши, так что казалось, будто наверху кто-то ходит. Квартал Рибера, раскинувшийся во круг, почти полностью погрузился во тьму.

Вскоре я услышал, как открылась дверь комнаты Кристины и звук приближавшихся шагов. Кристина надела светлый

²³ Прекрасная эпоха (*фр.* Belle Époque) – условное обозначение периода европейской истории между 1890 и 1914 годами.

халат и закутала плечи шерстяной шалью, которая ей совершенно не шла.

– Я позаимствовала одежду в одном из шкафов, – сказала Кристина. – Надеюсь, ты не возражаешь.

– Оставь себе, если хочешь.

Кристина села в кресло и обвела взглядом зал, задержавшись на стопке исписанной бумаги на столе. Она посмотрела на меня, и я кивнул.

– Закончил его несколько дней назад, – пояснил я.

– А свой?

Фактически обе рукописи я считал своими, но, не вдаваясь в подробности, снова кивнул.

– Можно? – спросила она, взяв страницу и поднося к свече.

– Конечно.

Я смотрел, как она молча читает с замороженной улыбкой на губах.

– Педро никогда не поверит, что сам это написал, – сказала она.

– Спорим, – отозвался я.

Кристина положила лист обратно в стопку и долго смотрела на меня.

– Я скучала, – промолвила она. – Я не хотела, но все равно скучала.

– Я тоже.

– Иногда, еще до отъезда в санаторий, я приходила на

станцию и садилась на перроне ждать поезда до Барселоны. Мне казалось, нам лучше встретиться в городе.

Я проглотил комок в горле.

– Я думал, что ты не хочешь видеть меня, – признался я.

– И я так думала. Знаешь, отец очень часто спрашивал о тебе. Он просил приглядывать за тобой.

– Твой отец был прекрасным человеком, – сказал я. – И верным другом.

Кристина кивнула, улыбаясь, но я заметил, что ее глаза наполняются слезами.

– Под конец отец уже почти ничего не помнил. Бывали дни, когда он путал меня с матерью и просил прощения за годы, проведенные в тюрьме. А потом неделями даже не осознавал, что я рядом. Постепенно тебя охватывает чувство одиночества и больше не покидает.

– Сочувствую, Кристина.

– В последние дни мне стало казаться, что отцу лучше. Он начал кое-что вспоминать. Я привезла с собой альбом с фотографиями, который он хранил дома, и иногда показывала ему, кто есть кто. В альбоме есть старая фотография, сделанная на вилле «Гелиос», где вы с ним вместе сидите в машине. Ты – за рулем, а отец учит тебя водить. И вы оба смеетесь. Хочешь взглянуть?

Особого желания я не испытывал, но не осмелился возражать в такой момент.

– Конечно...

Кристина отправилась доставать альбом из чемодана и вернулась с небольшой книжкой в кожаном переплете. Она под села ко мне и начала перелистывать страницы, заполненные старыми снимками, газетными вырезками и почтовыми открытками. Мануэль, как и мой отец, с трудом читал и писал, и его воспоминания были запечатлены в образах.

– А вот и ты.

Я пристально посмотрел на фотографию и отчетливо вспомнил летний день, когда Мануэль разрешил мне сесть в первый автомобиль, купленный Видалем, и преподавал азы вождения. Потом мы доехали до улицы Панама и на скорости не больше пяти километров в час, показавшейся мне тогда головокружительной, прокатились до бульвара Пеарсон и вернулись назад, причем вел машину я сам.

«Вы прирожденный водитель, – похвалил меня Мануэль. – Если когда-нибудь вам не повезет с рассказами, по моему, вас ждет блестящее будущее в гонках».

Я улыбнулся, вновь переживая тот момент, казалось, навсегда канувший в Лету. Кристина протянула мне альбом:

– Оставь себе. Отцу пришлось бы по душе, что альбом у тебя.

– Но он твой, Кристина. Я не могу взять его.

– Мне тоже хотелось бы, чтобы он лежал у тебя.

– Пусть останется на временное хранение, когда-нибудь ты захочешь получить его обратно.

Я листал страницы, рассматривая знакомые лица и лица

людей, которых никогда не видел. Там была свадебная фотография Мануэля и его жены Марты, на которую так походила Кристина, студийные портреты тетюшек, дядюшек, бабушек и дедушек. Имелся также снимок какой-то улицы в Равале, по которой шла процессия, купален Сан-Себастьян вдоль берега Барселонеты. Мануэль собирал старые открытки с видами Барселоны, а также вырезки из газет. На одной из них молоденький Видаль позировал у дверей отеля «Флорида» на вершине Тибидабо, а на другой он был снят под руку с умопомрачительной красавицей в зале казино в Рабасаде.

– Твой отец молился на дона Педро.

– Он всегда говорил, что мы обязаны ему всем, – вскинулась Кристина.

Я продолжил путешествие по страницам памяти бедного Мануэля, пока мне не встретилась карточка, выпадавшая из общего ряда в этой портретной галерее. На ней была изображена девочка лет восьми или девяти. Она шла по маленькой деревянной пристани, языком вдававшейся в сверкающую морскую гладь. Она держала за руку мужчину в белом костюме, причем его фигура не попала в кадр целиком. В конце пристани угадывался силуэт маленького парусного шлюпа, а дальше открывался бескрайний простор закатного неба. Девочка, снятая со спины, была Кристиной.

– Моя любимая, – тихо сказала Кристина.

– Где сделали фотографию?

– Не знаю. Я не помню ни место, ни день. Я даже не увере-

на, что тот человек – мой отец. Возникает ощущение, словно ничего этого никогда не происходило. Я нашла снимок в альбоме отца много лет назад и до сих пор не понимаю, откуда он взялся и что означает. Он словно сообщает мне о чем-то важном.

Я листал альбом, а Кристина давала пояснения к фотографиям.

– А это я, здесь мне четырнадцать лет.

– Да, я знаю.

Кристина печально посмотрела на меня.

– Я ничего не понимала, верно? – спросила она.

Я пожал плечами.

– И ты не сможешь меня простить.

Я предпочел уткнуться в альбом, только чтобы не смотреть ей в глаза.

– Мне нечего прощать.

– Посмотри на меня, Давид.

Я закрыл альбом и выполнил ее просьбу.

– Это неправда, – сказала она. – Я все понимала. Всегда понимала, но считала, что не имею права.

– Почему?

– Потому что наши жизни нам не принадлежат. Ни моего отца, ни моя, ни твоя...

– Все принадлежит Видалю, – с горечью сказал я.

Кристина неторопливо взяла меня за руку и медленно поднесла ее к губам.

– Только не сегодня, – прошептала она.

Я знал, что потеряю ее, едва закончится эта ночь. Одиночество развеется, боль, надрывавшая сердце, утихнет. Я знал, что Кристина права не потому, что все сказанное было истиной, а потому, что в глубине души мы оба в это верили, и время ничего не изменит. Как два преступника, мы крадучись проскользнули в одну из комнат, не осмеливаясь ни зажечь свечу, ни даже заговорить. Я медленно раздел ее, лобзая кожу и осознавая, что делаю это в последний раз. Кристина отдавалась неистово, самозабвенно, и когда усталость нас одолела, она беззвучно заснула в моих объятиях. Слова были не нужны. Я боролся со сном, наслаждаясь теплом ее тела, и думал, что, если завтра смерть захочет повидаться со мной, я встречу ее со спокойным сердцем. Я ласкал Кристину в темноте и слушал, как за стенами затихает гроза, удаляясь от города. Я осознавал, что потеряю ее, но на короткий миг мы принадлежали друг другу, и больше никому.

Я открыл глаза, когда первые лучи солнца коснулись окон, и обнаружил, что постель опустела. Я выскочил в коридор и поспешил в галерею. Кристина оставила альбом и забрала роман Видаля. Я обошел дом, где уже пахло ее отсутствием, и погасил по очереди свечи, которые зажег накануне.

Девять недель спустя я стоял у дома номер 17 на площади Каталонии, в котором два года назад книжный магазин «Каталония» гостеприимно распахнул двери, и ошалело созерцал витрину, показавшуюся мне необъятной. Вся она была заполнена экземплярами романа под названием «Дом из пепла» Педро Видаля. Я улыбнулся про себя. Мой наставник использовал даже название, предложенное мною давным-давно, когда я излагал ему сюжет романа. Я решился войти и попросил одну книгу. Открыв ее наугад, я стал перечитывать строки, которые помнил наизусть, ибо закончил шлифовать текст всего пару месяцев назад. Я не нашел в романе ни одного не написанного мною слова, кроме посвящения: «Кристине Сагниер, без которой...»

Я возвратил книгу, но продавец порекомендовал мне подумать еще раз.

– Мы получили ее дня два назад, и я уже прочитал от корки до корки, – добавил он. – Великий роман. Сделайте мне одолжение, возьмите книгу. Я знаю, что ее превозносят до небес во всех газетах, а это всегда служит плохим признаком, но в данном случае исключение подтверждает правило. Если вам не понравится, принесете ее назад, и я верну деньги.

– Спасибо, – поблагодарил я за совет, но главным образом за хороший отзыв. – Но я тоже уже ее прочитал.

– Тогда, быть может, предложить вам что-то другое?

– У вас нет романа, который называется «Шаги с неба»?

Книготорговец задумался на мгновение.

– Ее написал Мартин, да? Автор «Города...»?

Я кивнул.

– Я заказывал эту книгу, но издательство пока не прислало товар. Позвольте, я уточню.

Я последовал за ним к прилавку, где он совещался со своим коллегой. Тот отрицательно покачал головой.

– Мы должны были получить роман вчера, но издатель сказал, что его нет в наличии. Сожалею. Если хотите, я отложу для вас экземпляр, когда книга поступит...

– Не стоит беспокоиться. Я как-нибудь загляну к вам. И спасибо.

– Мне очень жаль, кабальеро. Не понимаю, что стряслось, поскольку, честное слово, роман уже должен был лежать на прилавке...

Покинув магазин, я направился к газетному киоску в начале бульвара Рамбла. Там я скупил все дневные выпуски, начиная от «Вангвардии» до «Голоса индустрии». Я сел за столик в кафе «Каналетас» и занялся изучением прессы. Отзывы на роман, написанный для Видаля, были опубликованы во всех изданиях – на страницу, под жирными заголовками и с портретом дона Педро. На фотографии Видаля представлял задумчивым и загадочным, в шикарном новом костюме и с трубкой, которую курил с рассчитанной небрежностью. Я

читал заголовки, а также первый и последний абзац рецензий.

Первая же статья, попавшаяся мне на глаза, начиналась словами: «„Дом из пепла“ – зрелое, яркое произведение, отличающееся большой глубиной. Оно является примером того лучшего, что может предложить современная литература». Другое издание сообщало читателям, «что в Испании никто не пишет лучше Педро Видаля, нашего самого уважаемого и признанного романиста». В третьей газете говорилось, что это «серьезный роман, подлинный шедевр непревзойденного мастера». Четвертый ежедневный листок трубил о большом международном успехе Видаля и его романа: «Европа отдает должное мастеру», – хотя роман вышел в Испании всего два дня назад и в переводе появится за рубежом не раньше чем через год. Газета захлеб распространялась о том, какое огромное признание и уважение снискало имя Видаля среди «маститых международных критиков». Правда, насколько мне известно, его книги никогда не переводились на другие языки, за исключением одного романа. Этот перевод на французский профинансировал сам дон Педро, и из всего тиража было продано ровно 126 экземпляров. Но, чудеса в сторону, пресса единодушно сходилась во мнении, что «родился классик» и роман знаменовал собой «возвращение одного из великих, золотого пера нашего времени: Видаль – бесспорный мастер».

На последних страницах каждой из этих газет нашлось

место (очень скромное, в один или два столбца) для критики на роман какого-то Давида Мартина. Самая снисходительная из рецензий начиналась так: «„Шаги с неба“ новичка Давида Мартина, дебютная работа весьма вульгарного толка, с первых страниц демонстрирует скудные возможности и отсутствие таланта автора». В другом обзоре высказывалось суждение, что «начинающий писатель Мартин пытается безуспешно подражать маэстро Видалю». Последнее, что мне удалось осилить, напечатали в «Голосе индустрии». Отзыв начинался без затей выделенным полужирным шрифтом абзацем следующего содержания: «Давид Мартин, безвестный автор и составитель рекламных объявлений, удивил нас романом, который станет, возможно, худшим литературным дебютом года».

Я оставил на столике газеты и заказанный кофе и двинулся вниз по бульвару Рамбла к конторе Барридо и Эскобильяса. По пути я миновал четыре или пять книжных лавок. Везде красовалось бессчетное количество экземпляров романа Видаля, и нигде я не нашел ни одной своей книги. Во всех магазинах повторялась та же история, что и в «Каталонии»:

– Видите ли, я не понимаю, как это вышло, поскольку мне должны были доставить ее позавчера, но издатель говорит, что тираж закончился, и он не знает, когда напечатает новый. Если вы скажете мне свою фамилию и номер телефона, я сообщу вам, когда получу... А вы спрашивали в «Каталонии»? Ну уж если у них нет...

Компаньоны приняли меня с похоронным видом и нелюбезно. Барридо сидел за столом, поигрывая авторучкой, Эскобияс, стоя у него за спиной, сверлил меня взглядом. Отрава плотоядно облизывалась, пристроившись на стуле рядом со мной.

– Не могу выразить, насколько я сожалею, любезный Мартин, – говорил Барридо. – Проблема заключается в следующем: книготорговцы делают заказы, руководствуясь критикой, опубликованной в газетах, – не спрашивайте почему. Если вы заглянете на склад тут неподалеку, то убедитесь, что тираж вашего романа в три тысячи экземпляров лежит у нас мертвым грузом.

– Со всеми вытекающими затратами и убытками, – добавил Эскобияс, не скрывая враждебности.

– Я заходил на склад, прежде чем прийти сюда, и обнаружил всего триста экземпляров. Заведующий сказал мне, что столько и было напечатано.

– Ложь! – вознегодовал Эскобияс.

Барридо остановил его примирительным жестом.

– Извините моего компаньона, Мартин. Поймите, что мы возмущены не меньше, а может, даже больше вас гнусными выступлениями местной прессы против книги, в которую все в нашем издательстве буквально влюбились. Но прошу согласиться, что, несмотря на нашу глубочайшую веру в ваш талант, в настоящем случае мы связаны по рукам и ногам общественным мнением, введенным в заблуждение неблаго-

приятными отзывами прессы. Но не отчаивайтесь, Рим ведь не сразу строился. Мы прилагаем все силы, чтобы ваше произведение заняло то место, которое заслуживает своими литературными достоинствами и высочайшей...

– С тиражом в три сотни экземпляров.

Барридо тяжело вздохнул, уязвленный моим недоверием.

– Тираж составляет пятьсот штук, – уточнил Эскобильяс. – Двести вчера лично забрали Барсело и Семпере. Остальное будет внесено в заявочный лист, поскольку никто не горит желанием вешать себе на шею ярмо, накапливая новинки. Если бы вы взяли на себя труд задуматься о наших проблемах, а не вели себя как эгоист, вы бы прекрасно все поняли.

Я в изумлении взирал на эту троицу.

– Только не говорите, что больше ничего не собираетесь предпринять.

Барридо горестно посмотрел на меня.

– А что, по-вашему, мы должны делать, друг мой? Мы ко-
стьюми ложимся ради вас. Помогите и вы нам немного.

– Если бы вы написали хотя бы такую книгу, как ваш приятель Видаль, – заметил Эскобильяс.

– Вот это роман так роман, – согласился Барридо. – Даже «Голос индустрии» его хвалит.

– Я знал, что именно так все и кончится, – продолжал Эскобильяс. – Вы неблагодарный человек.

Отрава, сидевшая сбоку, смотрела на меня с выражением

крайнего огорчения. Мне почудилось, будто она хочет взять меня за руку, чтобы утешить, и я поспешно отодвинулся. Барридо сиял масленой улыбкой.

– Может, оно и к лучшему, Мартин. Может, Господь в своей бесконечной мудрости подает вам знак, что нужно вернуться к работе, доставлявшей столько удовольствия читателям «Города проклятых».

Я захохотал. Барридо присоединился, и как по команде с нами вместе засмеялись Эскобильяс и Отрава. Я взглянул на стаю скалящихся гиен и сказал себе, что в других обстоятельствах эта сцена показалась бы мне не лишенной иронии.

– Мне по душе ваш оптимизм, – заявил Барридо. – И что? Когда мы получим следующий роман из серии Игнатиуса Б. Самсона?

Троица выжидательно уставилась на меня. Я откашлялся, чтобы голос звучал четко и ясно, и широко улыбнулся:

– Идите в задницу.

Покинув издательство, я много часов подряд бесцельно бродил по улицам Барселоны. Я чувствовал, что мне трудно дышать и что-то давит на грудь. Холодный пот покрывал лоб и ладони. Ближе к ночи, не зная уже, куда спрятаться, я пустился в обратный путь к своему дому. Когда я проходил мимо книжного магазина «Семпере и сыновья», то обратил внимание, что букинист заполнил витрину экземплярами моего романа. Было поздно, и магазин закрылся, но в зале еще горел свет. Я собирался прибавить шагу, но Семпере уже заметил меня и улыбнулся с такой печалью, какой мне никогда не доводилось видеть на его лице за долгие годы знакомства. Он подошел к двери и открыл ее.

- Зайдите на минутку, Мартин.
- В другой раз, сеньор Семпере.
- Сделайте одолжение.

Он взял меня за локоть и втянул внутрь магазина. Я последовал за ним в подсобное помещение, и там он усадил меня. Он налил в два бокала нечто, что казалось гуще смолы, и жестом велел выпить напиток залпом. Свой бокал он тоже осушил до дна.

- Я полистал книгу Видаля, – сказал он.
- Триумф сезона, – обронил я.
- Он знает, что роман написали вы?

Я пожал плечами:

– Какая разница?

Семпере посмотрел на меня таким же взглядом, каким когда-то смотрел на восьмилетнего мальчика, явившегося к нему в дом в синяках и с выбитыми зубами.

– Вы хорошо себя чувствуете, Мартин?

– Превосходно.

Семпере едва заметно покачал головой, встал и взял что-то с одной из полок. Я увидел, что он держит в руках мой роман. Букинист с улыбкой протянул мне книгу и ручку:

– Не откажите в любезности, подпишите.

Едва я закончил писать посвящение, как Семпере забрал у меня книгу и торжественно поместил ее на почетную витрину за прилавком, где хранились драгоценные первые издания, не подлежавшие продаже. Это была личная сокровищница Семпере.

– Вы вовсе не обязаны это делать, сеньор Семпере, – про-
бормотал я.

– Я это делаю потому, что таково мое желание, и повод более чем достойный. Книга – часть вашей души, и, если уж на то пошло, моей тоже. Я поставлю ее между «Отцом Горио» и «Воспитанием чувств»²⁴.

– Это святотатство.

– Глупости. Это одна из лучших книг, проданных мною за последние десять лет, а я продал их множество, – сказал

²⁴ Романы О. Бальзака и Г. Флобера.

мне старик Семпере.

Лестные слова Семпере едва поколебали ледяное непроницаемое безразличие, постепенно охватившее меня. Я не спеша прогулялся до своего жилища. Вернувшись в дом с башней, я налил на кухне стакан воды, и когда пил ее в темноте, меня разобрал смех.

На следующее утро мне нанесли два светских визита. Первым явился Пеп, новый шофер Видаля. Он привез приглашение от своего хозяина на обед в ресторан «Maison Doree». Несомненно, речь шла о праздничном пиршестве, обещанном мне некоторое время назад. Пеп точно одеревенел, и ему явно не терпелось поскорее разделаться с поручением. Непринужденность, отличавшая прежде его манеру обращения со мной, испарилась бесследно. Он не захотел войти и предпочел подождать на лестнице. Пеп протянул записку Видаля, избегая смотреть мне в лицо, и, как только я пообещал явиться на свидание, ушел не попрощавшись.

Со вторым визитом спустя полчаса к моему очагу пожаловали оба моих издателя в сопровождении угрюмого на вид господина, в котором я опознал их адвоката. Траурно-воинственное настроение гротескной троицы не оставляло сомнений относительно цели их посещения. Я пригласил их в галерею, где они уселись рядышком на диван по росту в порядке убывания – слева направо.

– Что-нибудь выпьете? Рюмочку цианистого калия?

Я не ожидал улыбок и не получил их. После краткой преамбулы в исполнении Барридо по поводу колоссальных убытков, которыми грозит издательству провал «Шагов с неба», слово взял адвокат, лаконично обрисовавший состояние дел. Он сказал открытым текстом: если я не вернусь к работе в своем воплощении Игнатиуса Б. Самсона и не представлю через полтора месяца рукопись «Города проклятых», мне предъявят иск за нарушение условий контракта, нанесение ущерба и убытков и еще по пяти или шести пунктам, которые я проглядел, не придавая им до сих пор должного значения. Однако имелись и хорошие новости. Барридо и Эскобильяс, хотя и были уязвлены моим поведением, нашли в себе силы проявить чудеса щедрости, дабы сгладить все шероховатости и вновь заключить взаимовыгодный союз о дружбе и сотрудничестве.

– Если желаете, можете приобрести по льготной цене в размере семидесяти процентов от продажной остаток тиража «Шагов с неба». Мы вынуждены констатировать, что на роман нет спроса и нет смысла включать его в заявочный лист, – пояснил Эскобильяс.

– Почему бы вам не вернуть мне авторские права? В сущности, вам они не стоили ни гроша, и вы не рассчитываете продать ни одного экземпляра.

– Мы не можем так поступить, друг мой, – возразил Барридо. – Хотя никакого аванса вам не платили, тем не менее издание потребовало весьма значительных вложений со сто-

роны фирмы. Контракт вы подписали на срок двадцать лет, и он автоматически продлевается на тех же условиях в случае, если издательство пожелает реализовать свои законные права. Поймите, пожалуйста, что мы тоже должны что-то получать. Нельзя же заботиться только об авторе.

По завершении его выступления я предложил трем сеньорам на выбор: убраться самостоятельно или быть вытолканными взащей. Прежде чем дверь захлопнулась у них перед носом, Эскобияльяс соизволил наградить меня своим фирменным злобным взглядом.

– Мы ждем ответа в течение недели, или вам конец, – процедил он сквозь зубы.

– Через неделю вы и ваш идиот компаньон будете покойниками, – хладнокровно ответил я, плохо понимая, что заставило меня это сказать.

Вторую половину утра я провел, созерцая стены, пока колокола церкви Санта-Мария не напомнили мне, что пора собираться на встречу с доном Педро Видалем.

Видадь ждал меня, заняв лучший столик в зале. В руках он нежил бокал белого вина и слушал пианиста, который наигрывал пьесу Энрике Гранадоса²⁵ бархатными пальцами. Увидев меня, Видадь встал и радушно протянул руку.

– Поздравляю, – сказал я.

Видадь невозмутимо улыбался, дожидаясь, пока я уся-

²⁵ Гранадос, Энрике (1867–1916) – выдающийся испанский композитор и пианист. Широко использовал в своем творчестве элементы национальной музыки.

дусь, и только потом сел сам. Последовала минутная пауза, заполненная звуками музыки, а также взглядами персон из высшего общества, которые приветствовали Видаля издали или же подходили к столику, чтобы поздравить его с успехом, о котором только и говорили в городе.

– Давид, ты не представляешь, насколько я сожалею о том, что произошло, – начал он.

– Не сожалейте, лучше наслаждайтесь.

– Думаешь, это так много значит для меня? Лесть горстки неудачников? Я мечтал о твоём триумфе.

– Простите, что вновь разочаровал вас, дон Педро.

Видадь вздохнул.

– Давид, я не виноват, что на тебя открыли сезон охоты. Ты не просишь, ты требуешь во весь голос. Ты уже большой мальчик и должен понимать, как делаются такие вещи.

– Просветите меня.

Видадь прищелкнул языком, словно мое простодушие оскорбляло его в лучших чувствах.

– А чего ты ожидал? Ты не член стаи. И никогда не станешь. Ты не хотел быть как все и думаешь, тебя простят. Ты замкнулся в своей башне и полагаешь, что выживешь, не присоединившись к общему хору, и сойдешь за своего. Ты ошибаешься, Давид. Всегда ошибался. Игра идет другая. А если хочешь сыграть по своим правилам, пакуй чемоданы и уезжай куда-нибудь, где ты сможешь стать хозяином судьбы, если такое место найдется. Но если останешься здесь, сле-

дует присоединиться к общине, какой бы она ни была. Все очень просто.

– Вы следуете этому принципу, дон Педро? Не выделяться в общине?

– А мне это не нужно, Давид. Я их кормлю. Чего ты тоже никогда не понимал.

– Вы бы удивились, узнав, как быстро я постигаю науку. Но не беспокойтесь, поскольку все эти рецензии не имеют ровным счетом никакого значения. Так или иначе, завтра никто о них и не вспомнит: ни о ваших хвалебных, ни о моих разгромных.

– Тогда в чем проблема?

– Пусть все идет своим чередом.

– Эти два сукиных сына? Барридо со своим стервятником?

– Забудьте, дон Педро. Как вы сказали, я сам кругом виноват. Больше никто.

Возник *maitre*²⁶ с вопрошающим выражением в глазах. Я в меню не заглядывал и даже не собирался.

– Как обычно, на двоих, – распорядился дон Педро.

Maitre с поклоном удалился. Видаль посмотрел на меня, точно на хищного зверя, посаженного в клетку.

– Кристина не смогла прийти, – проронил он. – Я принес вот это, чтобы ты ей надписал.

Он положил на стол экземпляр «Шагов с неба», оберну-

²⁶ Здесь в значении «метрдельник» (*фр.*).

тый в пурпурную бумагу с печатью магазина «Семпере и сыновья», и подтолкнул ко мне. Я не прикоснулся к книге. Видадь побелел. Яростная стычка и ее оборонительный характер заставили трубить отбой. Теперь настала пора сделать выпад.

– Скажите мне без промедления что должны сказать, дон Педро. Я не кусаюсь.

Видадь осушил бокал вина.

– Мне хотелось бы сказать тебе две вещи. И они тебе не понравятся.

– Я начинаю привыкать к дурным новостям.

– Первая касается твоего отца.

Я почувствовал, как ядовитая ухмылка растворяется у меня на губах.

– Я хотел признаться тебе в течение многих лет, но мне казалось, что правда не принесет добра. Ты решишь, будто я молчал из трусости, но я клянусь, клянусь чем угодно, что...

– Что? – перебил я его.

Видадь вздохнул.

– В ту ночь, когда умер твой отец...

– Когда его убили, – поправил я холодно.

– Произошла ошибка. Твоего отца убили по ошибке.

Я тупо смотрел, не понимая, что он силится сказать.

– Тем людям был нужен не он. Они обознались.

Я вспомнил глаза наемных убийц, вынырнувших из тумана, запах пороха и темную кровь отца, струившуюся меж мо-

их пальцев.

– Они хотели убить меня, – сказал Видадь едва слышно. – Старинный компаньон моего отца узнал, что мы с его женой...

Я зажмурился, прислушиваясь к глухому рокочущему смеху, рождавшемуся в груди. Моего отца изрешетили пулями из-за любовной интрижки великого Педро Видаля.

– Скажи что-нибудь, пожалуйста, – взмолился Видадь.

Я открыл глаза.

– А какую вторую вещь вы собирались мне сказать?

Я никогда прежде не видел Видаля испуганным. Зрелище было в самый раз.

– Я попросил Кристину выйти за меня замуж.

Повисло молчание.

– Она согласилась.

Видадь потупился. Официант принес закуски и накрыл на стол, пожелав *Bon appetit*²⁷. Видадь не смел смотреть в мою сторону. Закуски остывали на блюде. Помешкав немного, я взял томик «Шагов с неба» и ушел.

В тот день, оставив за спиной ресторан «Maison Doree», я вдруг обнаружил, что иду вниз по бульвару Рамбла с романом «Шаги с неба» под мышкой. У меня задрожали руки, когда я приблизился к углу, откуда начиналась улица Кармен. Я остановился у витрины ювелирного магазина «Багес», при-

²⁷ Приятного аппетита (фр.).

творившись, будто разглядываю золотые медальоны в форме виньеток и цветов, усыпанных рубинами. На расстоянии нескольких метров от того места вздымался пышный барочный фасад магазина «Эль Индио», который со стороны больше напоминал ярмарку чудес и диковин, а не обычную текстильную лавку. Я приблизился к зданию и вошел в вестибюль, предварявший входную дверь. Я знал, что она не узнает меня, и, возможно, я сам ее не узнаю, однако простоял там неподвижно минут пять, прежде чем отважился переступить порог. И когда я все-таки вошел в зал, мое сердце колотилось как бешеное, а руки вспотели.

Стены были уставлены стеллажами, ломившимися от рулонов разнообразнейших материй. Продавцы, вооруженные сантиметровыми лентами и портновскими ножницами, прикрепленными к поясу, демонстрировали на столах благородным дамам с эскортом служанок и закройщиц дорогие ткани так, словно показывали все сокровища мира.

– Вам помочь, сеньор?

Продавец был мужчиной дородным, с голосом как из бочки. Фланелевый костюм сидел на нем так плотно, что казалось, будто он в любой момент может лопнуть, разлетевшись по торговому залу вихрем шерстяных обрывков. На меня он смотрел снисходительно, с натянутой неприязненной улыбкой.

– Нет, – пробормотал я.

И тут я ее увидел. Моя мать спустилась с лестницы с охап-

кой лоскутов. Она была в белой кофточке, и я узнал ее сразу. Фигура матери немного расплылась, а на лице, густо накрашенном, оставили легкий след усталость, скука и разочарование. Раздраженный продавец продолжал что-то мне втолковывать, но я едва его слышал. Не отрываясь я смотрел, как она приближается и проходит мимо. На миг наши взгляды встретились, и она, заметив, что я за ней наблюдаю, заученно улыбнулась, как улыбаются клиенту или начальнику, а затем пошла дальше по своим делам. У меня перехватило горло, так что я с трудом нашел в себе силы разлепить губы, чтобы утихомирить приказчика, и едва успел ретироваться, чтобы скрыть наворачнувшиеся на глаза слезы. Выбравшись из здания, я пересек дорогу и направился в кафе. Сев за столик у окна, откуда были хорошо видны двери «Эль Индио», я приготовился ждать.

* * *

Примерно через полтора часа из магазина вышел продавец, занимавшийся мною, и опустил решетку, закрывая вход. Вскоре начал гаснуть свет, магазин стали покидать служащие. Я встал и вышел на улицу. Неподалеку от двери сидел парнишка лет десяти и глазел на меня. Я поманил его. Он подошел, и я показал ему монету. Мальчик заулыбался во весь щербатый рот.

– Видишь сверток? Я хочу, чтобы ты передал его даме, ко-

торая скоро появится. Скажешь, что это подарок от сеньора, но не говори, что от меня. Понял?

Паренек кивнул. Я вручил ему деньги и книгу.

– Давай теперь подождем.

Долго караулить не пришлось. Она показалась через три минуты и двинулась в сторону бульвара Рамбла.

– Вот эта сеньора. Видишь?

Мать на мгновение остановилась у портала церкви Богоматери Вифлеемской, и я махнул парнишке, чтобы он поспешил к ней. Я наблюдал за сценкой на расстоянии и не мог слышать слов. Ребенок протянул ей сверток, и она взглянула на него с удивлением, явно сомневаясь, брать или нет. Паренек не отступал, и она взяла сверток, глядя вслед убежавшему мальчишке. Она растерянно посмотрела по сторонам в поисках ответа на немой вопрос, прикинула вес посылки, заинтересованно изучила пурпурную обертку. Потом любопытство одержало верх, и она вскрыла пакет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.